

ДЕЯНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

в судьбах народов Евразии

Сборник

Скифия
Санкт-Петербург
2016

Некоммерческое издание
Издан ООО «ИТД «Скифия»» по заказу
Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга

Редактор-составитель **Е. В. Лукин**

Д39 Деяния Петра Великого в судьбах народов Евразии / Ред.-сост. Е. В. Лукин. — СПб. : Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2016. — 192 с.

В сборнике «Деяния Петра Великого в судьбах народов Евразии» собраны произведения российских соотечественников из Австрии, Белоруссии, Германии, Латвии, Литвы, Узбекистана, Украины, а также авторов из Асбеста, Дзержинска, Кронштадта, Москвы, Самары, Санкт-Петербурга, Саранска, Хабаровска, посвященные историческим деяниям и личности выдающегося российского реформатора – императора Петра Великого.

ISBN: 978-5-00025-096-9

На обложке:

Картина. Портрет императора Петра I.
Неизвестный художник; иконографический тип
Жана Марка Натъе. Середина XVIII в.

© Государственный музей истории Санкт-Петербурга

© Лукин Е., составление, 2016

© Коллектив авторов, 2014

© Григорьев Е., предисловие, 2016

© Государственный музей истории Санкт-Петербурга, изображения, 2016

© Издательство «Скифия», оформление, 2016

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Дорогие читатели!

Рад приветствовать Вас на страницах издания «Деяния Петра Великого в судьбах народов Евразии». Более 20 авторских художественных произведений российских соотечественников из многих стран мира собрано воедино в новом литературном сборнике. На протяжении шести лет Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга реализует уникальный творческий проект, который является одной из важных составляющих работы Правительства Санкт-Петербурга по реализации государственной политики в отношении соотечественников за рубежом.

Ежегодно русскоязычным литераторам из числа зарубежных российских соотечественников предлагается опубликовать свои сочинения на одну из заданных тем. В 2016 году такой темой стали «Деяния Петра Великого в судьбах народов Евразии».

295 лет назад Россия была провозглашена империей, а царь Петр Алексеевич Романов стал первым Императором и Самодержцем Всероссийским.

Роль Петра Великого в истории Евразийского континента представляет особый интерес. Личность и деяния

российского императора многогранны. Немало существует суждений о верности и пользе его деятельности. Но нельзя отрицать, что именно петровские реформы способствовали становлению образа Великой России в восприятии международного сообщества.

Петр I говорил, что «русский тот, кто Россию любит и ей служит!» Оттого желал и старался сделать Россию благополучной. Именно эта идея вела царя к свершению великих дел: Азовские походы 1695-1696 годов, длительная поездка за пределы своей державы в составе Великого посольства в 1696-1697 годах. В борьбе за выход на Балтику Петр I расширил российские границы и основал в устье Невы будущую столицу империи — город Санкт-Петербург, по сути своей первый инновационный проект империи.

Опираясь на личный опыт и знание достижений ведущих европейских держав, император Петр стремился развивать мощную российскую державу. Именно для этого он приглашал на русскую службу ставших впоследствии его сподвижниками ярких представителей из Европы и Азии. Это — сербский дворянин и русский дипломат Савва Рагузинский, грузинский царевич Дадиани, норвежский адмирал, первый командующий Балтийским флотом Корнелиус Крюйс, первый российский генерал-прокурор литовец Павел Ягужинский и другие.

Воздавая дань деяниям великого императора, мы можем и должны одновременно говорить и о единстве народов, которые совместными усилиями создавали сильное российское государство. В ответ Россия во многих странах Евразии оставила свой яркий след, который и поныне подкрепляется открытием памятных мест, музеев и

памятников за рубежом, посвященных выдающимся сынам России.

Я благодарен всем, кто принял участие в подготовке данного сборника. Спасибо нашим соотечественникам за неподдельный интерес к литературному проекту и поступившие работы!

**Председатель Комитета
по внешним связям Санкт-Петербурга
Е. Д. ГРИГОРЬЕВ**

**Елена
АРСЛАНОВА**

ДЕЯНИЯ ВЕЛИКОГО ПЕТРА

Медвежий край еще не стал державой...
Под снегом дремлет мировая слава,
Но быстро опережается птенец,
Гнезда царей Романовых юнец.
Полтавский бой, блестящая победа,
Построен град Петров для страха шведам,
На север обращен горящий взор —
Россия рвется на морской простор.
Для новых дел всегда нужна отвага,
В руке и циркуль, и топор, и шпага.
Теперь не в моде родовая знать —
Уменье каждый должен показать.
Узнав науки силу и значение,
Петр понимает важность просвещения.
Из неученья беспощадной тьмы
На свет выводит лучшие умы.
Мужицкий край, лаптежный и отсталый,
Передовой становится державой.
Подул могучий ветер перемен —
Россия поднимается с колен.
Придется европейцам потесниться:

Елена АРСЛАНОВА

Раздвинулись российские границы.
Дрожит Европа, снизу вверх смотря,
На рослого, огромного царя.
Так кто же он: антихрист и диктатор
Или великий русский реформатор?
Он тем велик, что не жалея сил,
Своей Отчизне, Родине служил.
Подняв и укрепив свою державу,
Снискал себе немеркнущую славу.
Сильна, крепка Россия и мудра
Деяньями Великого Петра!

**Асбест,
Свердловская область, Россия**

Ирина ЖИДКОВА

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ЕГО ДЕЯНИЯ

С личностью Петра I каждый из нас знаком с детства. Этот человек сделал для России очень многое. Именно в годы его правления Россия становится абсолютной монархией, для которой характерно не только концентрация власти в руках одного правителя. Страна переходит на новый уровень развития во всех сферах общественной жизни. Это и грандиозный скачок в промышленности, и распространение образования, появление военных школ и училищ, укрепление армии и создание военно-морского флота в России. Первая печатная газета, первый в стране музей, первая библиотека. Все это — заслуга Петра, первой личности, вокруг деятельности которой, до сих пор не утихают жаростные дискуссии не только среди жителей России, но и среди многих неравнодушных граждан зарубежных стран.

Петр I был величайшим человеком своего времени. Его личность, реформаторская деятельность, место в судьбе России, влияние на судьбы народов Евразии — вопросы, которые интересуют и привлекают внимание не только отечественных, но и зарубежных исследователей,

начиная с современников Петра Великого и вплоть до настоящего времени. Я считаю, что ответы на эти вопросы нужно искать как в личности Петра, так и в том «фундаменте», который приготовили для него предыдущие правители. Не стоит забывать и о тех событиях, которыми он был окружен, начиная с детства, о тех обстоятельствах, оказывавших значительное влияние на ход реформ, во многом придававших им такой стремительный, порой нелогичный и противоречивый характер.

Представители общественно-философских направлений середины 19 века по-разному оценивали деятельность и личность Петра I. Например, видные представители западников, такие как С. М. Соловьев, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, были сторонниками реформ и одобряли деятельность Петра, считая, что именно благодаря его деятельности Россия стала великой державой и приобщилась к европейской цивилизации. Этой же точки зрения придерживались В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов.

Славянофилы, как известно, были противниками петровских реформ. А. С. Хомяков, братья Аксаковы считали, что именно петровские реформы разрушили национальные устои русского народа. Этой же точки зрения придерживался и Н. М. Карамзин.

Петр I — уникальный человек своего времени, отличавшийся решительностью, целеустремленностью. Однако Петр отличался не только этими качествами. Именно для его эпохи характерен слом предыдущей системы. Жестокость, а порой, и бесчеловечность отличали его от предшественников. По меткому определению Пушкина, его указы были «нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом».

Картина. Портрет императора Петра I.
Неизвестный художник круга Дмитрия Григорьевича Левицкого;
иконографический тип К. Моора. 1717 г.
© Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Нельзя с полной уверенностью утверждать, что Петр I направил ход истории нашей страны совсем в иное русло. Его предшественники были не менее талантливы, но проводили реформы в более умеренных темпах. Петр I же отличался своей радикальностью, некоторые реформы были совершенно уникальны и в этом, безусловно, заслуга Петра. Реформы Петра были подготовлены всей предшествующей историей народа, «требовались народом». Уже до Петра начертана была довольно цельная преобразовательная программа.

Как бы мы не относились к методам и стилю проведения им преобразований, нельзя не признать — Петр Великий является одной из самых заметных фигур своего времени. Я считаю, что Петр оказал большое влияние на судьбу не только русского народа, но и на судьбу народов всего континента, это — личность, изменившая движение истории. Это отчетливо понимали и современники Петра.

Европа всегда привлекала Петра. Но и для европейцев Россия была привлекательна, поскольку здесь они могли сделать неплохую карьеру. Еще с юношеских лет Петр учил немецкий и голландский язык не по учебникам, а в живом общении. Это неудивительно: ведь Европа была фактически рядом с ним. Немецкая Слобода, состоявшая из иностранцев, находилась недалеко от царской усадьбы в Преображенском. Именно там он встретит своих сподвижников-иностранцев, некоторые из которых впоследствии станут ему верными товарищами.

Петр был мудрым человеком, собрал вокруг себя команду из талантливых людей, которые помогали ему в осуществлении реформ. Выход России на существенно новый уровень во всех сферах — это и заслуга талантливого

окружения императора. Важность сподвижников Петра не мог не отметить и талантливейший поэт А. С. Пушкин в поэме «Полтава»:

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

Влияние государя на их судьбу подчеркивает Пушкин, называя их «птенцы гнезда Петрова», «товарищи», «сыны».

Среди окружения Петра были как русские, так и иностранцы (голландцы, литовцы, сербы, греки, шотландцы). Нельзя не отметить его сподвижников-иностранцев, которые, точно волею судьбы, оказались рядом с великим императором.

Франц Яковлевич Лефорт. Его знакомство с будущим императором Российской империи считают поистине судьбоносным. Можно сказать, что оно было судьбоносным и для Петра. Фактически являясь главой Велико-го Посольства, Лефорт показал Петру «окно в Европу», стал первым среди окружавших Петра иностранцев, пове-

рившим в великое будущее молодого царя, стал для него настоящим другом и соратником. Приехав на военную службу в Россию, Франц Яковлевич, оказавшийся в полном отчаянии, без знакомых и средств к существованию, и подумать не мог, как изменится его судьба в России. В нашей стране он не только построил карьеру, но и обрел настоящего друга в лице будущего императора.

Генрих Иоганн Фридрих Остерман. Немец по происхождению, он прибыл в Россию и быстро смог завоевать доверие Петра. Он пользовался большим авторитетом, помогая Петру в осуществлении внешней политики. Заключение Ништадтского мира на таких условиях — его заслуга. Кто знает, как бы обернулась его судьба, не окажись он в России. Даже после смерти великого императора он оставался приближенным к власти, фактически сосредоточив в своих руках руководство внешней, а затем и внутренней политикой.

Еще одним известным сподвижником Петра является С. Л. Владиславич-Рагузинский. Серб по происхождению, он прославился тем, что, проживая в Османской империи, создал разведывательную сеть, снабжавшую правительство России ценной информацией о состоянии Османской империи, т. е. фактически был шпионом России.

Нельзя не упомянуть и Марту Скавронскую, которая родилась в Прибалтике в бедной крестьянской семье. Северная война стала для нее поистине судьбоносной. Во время захвата крепости Мариенбург она попала в российский плен. Затем Меншиков познакомил ее с Петром I. Вскоре она приняла православие и получила имя Екатерина Алексеевна. В истории она навсегда останется вер-

ной боевой подругой Петра, а впоследствии будет российской императрицей.

При изучении деятельности Петра и ее влияния на мировую историю нельзя забывать о военной реформе, ибо, как совершенно верно отметил В. О. Ключевский, «война была главным движущим рычагом всех преобразований, а военная реформа — их начальным моментом».

Военные реформы занимают особое место среди Петровских преобразований, ведь он по праву считается и создателем российского военно-морского флота. Именно начало Северной войны стало толчком к созданию регулярной армии. Петр ввел новый принцип комплектования армии. Офицерский состав армии пополнялся за счет дворян, обучавшихся в гвардейских дворянских полках или в специально организованных школах (пушкарская, артиллерийская, навигационная, фортификационная, Морская академия и т. д.). Для преподавания в этих школах были приглашены лучшие умы того времени, среди которых было множество иностранных специалистов. К концу Северной войны Петр имел огромную, сильную армию — 200 тыс. человек (не считая 100 тыс. казаков), которая позволила России одержать победу в изнурительной, растянувшейся почти на четверть века войне. До Петра Россия никогда не имела такой армии.

Таким образом, можно смело сказать, что наша страна вышла на новый уровень на международной арене. К концу царствования Петра, Россия стала одной из сильнейших морских держав мира, подорвав господство Швеции. Уже с Полтавской битвы шведская армия перестала быть сильнейшей военной силой Европы. Победа в Северной войне позволила России осуществить геополитический

сдвиг в расстановке сил в Европе. Политическое влияние России в Европе изменилось: если раньше сфера геополитических интересов Петра затрагивала лишь соседние страны, то после войны Россия вошла в клуб «великих держав», управлявших судьбой Европы.

Сильно подорванная Смутой экономика России нуждалась в реабилитации. Поскольку реформы осуществлялись в период войны, которая отнимала огромное количество средств государственной казны, в задачи государства первым делом входило изыскать новые источники государственных доходов. Он прекрасно понимал, что поправить положение финансов можно с помощью улучшения народного хозяйства страны. По его расчетам, развитие промышленности и торговли должно было привести к быстрой положительной отдаче, поэтому он и направил свою экономическую политику в этом направлении. Петр I всячески поощрял развитие внутренней торговли и промышленности. Огромное распространение получают мануфактуры, развивается горная и металлургическая промышленность. Металлургические заводы, построенные на Урале, смогли обеспечить армию качественным оружием, пушками. Теперь уже не было необходимости закупать пушки у шведов, Россия сама экспортировала железо и медь в другие страны. Торговля выходит на качественно новый уровень, поощряется экспорт товаров. Политика меркантилизма и протекционизма сделала Россию независимой от Европы. Царские реформы затронули мелко-товарное производство и благотворно сказывались на развитии ремесел и крестьянских промыслов.

Таким образом, благодаря экономическим преобразованиям Россия становится не только независимой от

Европы, она сама становится полноценным партнером мировой торговли, крупным экспортером в горной и металлургической отрасли. Экономические преобразования также позволили сначала вести борьбу на равных, а затем и одержать победу в Северной войне, поскольку теперь армия полностью снабжалась оружием.

Для осуществления данных мер активно привлекаются иностранные специалисты. Для них существуют множество льгот в том случае, если они качественно обучают своему мастерству. Многих дворян отправляют учиться за границу за счет государственной казны. Государь делал все возможное для интенсивного развития всех сфер общественной жизни.

Итак, в силу всего выше сказанного, можно сказать, что Петр I был величайшим человеком своего времени, повлиявшим на ход истории. Его деятельность по праву можно считать судьбоносной как для Отечества, так и для жителей народов Евразии, ведь именно в его период правления на смену стране «московитов» приходит могущественное государство. Именно Российская империя станет одной из величайших держав своего времени, обладающих высоким авторитетом на международной арене.

Саранск, Россия

Владимир СИМАКОВ

НАЧАЛО

В Мокришвицах бабы заплакали дружно:
Куда же вы все, мужики?
Но строго солдаты глядят: значит нужно —
По воле монаршей руки!

Нелегкая плотникам выдалась доля —
Покинуть родные двory.
Лодейное Поле — верховная воля:
Стучат и стучат топоры.

Два года война неизбежная. Шведы
Россию и топчут, и гнут.
Но царь в убеждении скорой победы
И пряник готовит, и кнут.

Разгрызен Орешек в баталии грозной,
А следом за ним — Ниеншанц.
И строится город, покуда не поздно,
И в землю вгрызается шанц.

Быстрее, вперед! Император торопит.
За русскую славу и честь!
И есть корабелы, и копится опыт,
И верфь Олонецкая есть!

«Штандарт» — провозвестник Балтийского флота,
На Свирской качаясь волне,
Врагу доказал, что не только пехота
У русских отныне в цене!

У МЕДНОГО ВСАДНИКА

Под грохот Северной войны,
Державной волею взметенный,
Среди приневской тишины
Встал город, заново рожденный.

Неясный абрис первых дел
В объятых призрачных туманов
Здесь император разглядел
В размахе грандиозных планов.

Россия вздыблена давно
Над непокорною Невою,
Но промелькнули, как в кино,
Века над гордой головою.

И не посмел ни разу враг
Ступить ногой на эти камни
Всей силой яростных атак
Тремя минувшими веками.

Но память трех блокадных лет,
В ночи пылающих пожаром,

Среди особенных примет
В граните выбита недаром...

Как будто листья, имена
Меняла новая столица,
Но вновь родным наречена —
И значит, снова возродится!

Санкт-Петербург, Россия

**Лариса
ЕГОРШИНА**

**ЧЕРНОРЕЧЕНСКИЕ
ВЕСНЫ**

Чернореченские весны:
Половодье, дым костра,
На припеке лодки, весла —
Навигации пора.
Под водой луга, дубравы,
Воздух терпкий, смоляной,
Небольшой церквушки главы
Над широкою Окой.

Наконец тепло настало,
Мать-и-мачеха цветет,
Заготовлен лес для сплава,
Туго сбит из бревен плот.
Возле речки Черной, в устье,
Снасти вытащил рыбарь,
Время даром не упустит
Держит промысел окарь.

Майским утром парус белый
Показался вдалеке,

Самолично Петр Первый
В дивном дачном уголке!
Государева задача —
Строить новый мощный флот,
Речи пламенной, горячей
Внемлет, крестится народ.
Как пришлось по сердцу слово:
«С чернорецких стапелей
Выходить судам торговым!
И поставить на ремонт
Часть военных кораблей,
Что придут из-под Азова.
Быть флотилиям Российским
В море Черном и Балтийском,
У державных берегов
Стать защитой от врагов!
Для Отечества родного
Долга нет у нас иного».

Снял камзол, надел рубаху
И велит подать топор.
(Вся толпа затихла в страхе),
Тронул лезвие: «Остер»!
По бумаге вымеряет,
Тешет дерево в размер,
Люд немало удивляет
Сей достойнейший пример...

Судно на воду спускали,
У затона пир горой,
Гостя, свиту угощали

Осетровую икрой.
Царь изволил убедиться,
Как жирна, вкусна ушица,
И белугу, и стерлядку
Ели досыта и сладко.

На Оке преданья живы
О растяпинской расшиве,
Будто памятник Петру
Чей-то парус на ветру.

**Дзержинск,
Нижегородская область, Россия**

Андрей ГЕРАЩЕНКО

ДОМИК ПЕТРА ПЕРВОГО В ПОЛОЦКЕ

Внимание туристов, прогуливающих по Нижне-Покровской улице в Витебске, часто привлекает небольшой домик с установленным перед ним памятником русскому писателю Льву Толстому. Но, вопреки ожиданиям гостей города, этот дом связан не столько с именем знаменитого русского писателя, сколько с деятельностью и жизнью знаменитого императора-реформатора Петра Великого. Дом был построен в конце XVII — начале XVIII веков с использованием элементов стиля барокко. Во время Северной войны 1700-1721 годов Петр около месяца жил здесь в 1705 году и руководил действиями русских войск. В память об этом на здании укреплен памятник. С тех пор за зданием и закрепилось на века и дошло до нашего времени его неофициальное название — «Домик Петра I».

Вступив на престол Царства Русского в 1689 году, Петр прекрасно осознавал, что Россия нуждается в выходах к Балтийскому и Черному морям, которых она была лишена в минувшие века. Балтийское море контролировала Швеция, а Черное — Османская империя. По сути, для проведения морской торговли русское государство располагало в то время единственным портом — Архан-

гельском на Белом море, которое в зимнее время было покрыто льдом, и торговое судоходство надолго замирало.

Швеция в то время находилась в периоде своего наибольшего могущества и владела не только бывшими русскими землями на Балтике, но и Финляндией, Латвией, Эстонией, Норвегией, частью Дании, Померании. Если не считать небольших участков побережья Балтийского моря, которые оставались под властью Речи Посполитой, Пруссии и Дании, это море можно было смело назвать «шведским озером». Швеция имела самую сильную армию и военный флот того времени. Этот период в своей истории шведы называют «эпохой великодержавия и балтийского господства».

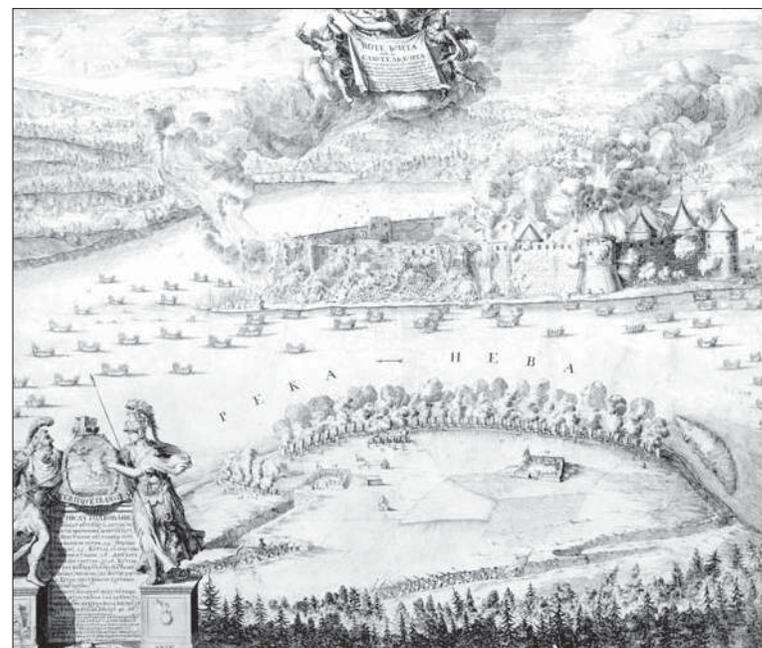
В 1699 году между Саксонией, Речью Посполитой, Данией и Россией был заключен военный Северный союз против Швеции — во всех этих государствах понимали, что шведы не собираются останавливаться, и продолжают свои завоевания и при новом, шведском короле Карле XII, который вступил на престол в 1697 году. Петр в то время стремился заключить мирный договор с Османской империей и пока не вступал в войну, которая началась между Швецией с одной стороны и Данией и Речью Посполитой с другой. Карл XII был талантливый полководец и достаточно быстро разгромил Данию. Армии Саксонии и Речи Посполитой выдвинулись к Риге и попытались взять город, но это не удалось. После долгой осады польско-литовские войска вернулись в пределы Речи Посполитой.

В этих условиях в 1700 году Россия, заключив Константинопольский мирный договор, еще не зная о капитуляции Дании, вступила в войну. В ноябре 1700 года Петр осадил сильную шведскую крепость Нарву, но неудачно,

и шведы смогли нанести русским чувствительное поражение. Посчитав русскую армию разгромленной, Карл XII вступил в пределы Речи Посполитой. Петр I использовал это время для переустройства армии и укрепления артиллерии — всего за год было отлито 300 новых пушек, для изготовления которых были даже сняты колокола с храмов. Дания к этому времени признала свое поражение и вышла из войны. Петр I старался не допустить выхода из войны и Речи Посполитой. Во время своей встречи с королем Речи Посполитой Августом II Петр пошел на большие уступки, обещая в течение двух лет оказывать Речи Посполитой финансовую поддержку и прислать на помощь 15-20-тысячную армию.

В отношении же шведов в Прибалтике Петр I избрал тактику непрерывного вооруженного давления. В 1702 году в Лифляндии произошло два крупных боя между русскими и шведскими войсками, окончившиеся победой русского оружия. Это было особенно важно и потому, что в Европе сложилось стойкое мнение о непобедимости шведской армии.

Осенью 1702 году русские взяли крепость Нотебург (бывший русский Орешек), а весной 1703 года и Ниеншанц, контролировавший устье Невы. Крепость Ниеншанц была срыта, а неподалеку началось строительство знаменитой Петропавловской крепости и нового города — Санкт-Петербурга, которому было суждено стать столицей Российской империи. Для защиты нового города с моря в Финском заливе на острове Котлин была построена крепость Кронштадт. Россия продолжала утверждаться на Балтике, заняв Ям, Копорье, Мариенбург и другие города. В 1704 году были взяты Дерпт (древний русский город Юрьев), Нарва и Иван-город.

Гравюра. Взятие Нотебурга 11 октября 1702 года.
А. Шхонебек. 1703 г.

© Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Тем временем вторгшийся в пределы Речи Посполитой Карл XII в 1701 году одерживал одну победу за другой. Шведы вели себя на землях Речи Посполитой, как разбойники с большой дороги — отбирали имущество, грабили и убивали. Шведский король хотел свергнуть с престола Августа II и передать польскую корону своему ставленнику. Война была крайне неудачной для Речи Посполитой — уже в 1701 году шведы заняли Варшаву, в 1702 году одержали победы под Торунью и Краковым, в 1703 году — под Познанью и Данцигом. Деморализованный (1) сейм Речи Посполитой объявил, что Август II низложен и избрал новым

королем Станислава Лещинского, которого предлагали шведы. Но конференция шляхты в Сандомире не признала королем Лещинского. В Речи Посполитой началась гражданская война. Россия и Саксония, поддержав Августа II, начали боевые действия на территории Речи Посполитой.

В феврале 1705 года в Полоцк прибыла русская армия, возглавляемая Александром Меншиковым. Для непосредственного руководства войсками 10 июля 1705 года в день своих именин в Полоцк прибыл и сам царь Петр I. Первым воспитателем еще совсем юного Петра был Симеон Полоцкий, поэтому Петр с интересом относился к полоцкой истории и самому городу. Он был прекрасно осведомлен о тех несправедливостях и ущемлениях, которые испытывала в Речи Посполитой православная церковь и со стороны католиков, и со стороны униатов. Особенную неприязнь у Петра вызывала личность униатского епископа Иосафата Кунцевича.

Еще в 1621 году поэт Казимир Пашкевич с воодушевлением писал:

Полска квітнет лаціною,
Литва квітнет русчиною;
Без той в Пол(ь)ще не пребудешь,
Без сей в Литве блазнем* будешь.
Той латина язык дае,
Та без Руси не вытрвае**.
Весели ж се ты, Русине,
Тва слава никгды не згине!

* простофилей — авт.

** не сможет существовать — авт.

Это небольшое и непростое для понимания современного читателя поэтическое произведение является ценным памятником средневековой письменности, так как ясно отражает представления наших предков, жителей Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского о своей национальной и культурной принадлежности.

Но времена «цветения Руси» безвозвратно уходили в прошлое. Брестская церковная уния 1596 года не только расколола православную церковь и обернулась гонениями на православных, но и широко открыла дорогу для ополячивания белорусских земель. Насильно закрывались православные церкви, школы, участников православных братств отлучали от церкви, православных священников угрозами и насилием заставляли принимать унию. Особым ожесточением в гонениях на православных отличался униатский полоцкий епископ Иосафат Кунцевич за что получил позорное прозвище «душехвата». Больше 5 лет он продержал закрытыми все православные храмы в Орше, Могилеве, Витебске и Полоцке. Православные горожане вынуждены были проводить службы за городом, зачастую и без священника, так как им запрещалось жить в городе и окрестностях. Когда Кунцевич узнал, что в Полоцке вопреки его запрету похоронили умерших людей по православному обычаю, то пришел в бешенство, велел выкопать тела усопших и бросить их собакам. При этом Кунцевич не раз похвалялся тем, что он «волен топить неуниатов и сечь им головы».

Подобные выходки униатского епископа глубоко оскорбляли чувства православных людей и в итоге привели к восстанию, непосредственной причиной которого стала попытка Кунцевича расправиться с православным священником в Витебске. Витебское восстание началось 12 ноября

1623 года во главе с витеблянином Степаном Пасиорой, полочанином Петром Василевичем и его сыном Василием. Колокола городской ратуши и православных церквей ударили в набат, несколько тысяч горожан сошлись на вече, после чего двинулись к хоромам Кунцевича, где убили его, протащили тело по улицам города и утопили его в Западной Двине.

Польской король Сигизмунд III по требованию римского папы Урбана VIII с помощью польско-литовских войск жестоко расправился с восставшими. Все жители Витебска были объявлены мятежниками, город был лишен магдебургского права, а витебская ратуша разрушена. 120 человек, в том числе два бургомистра, были приговорены к смертной казни. 78 человек вместе со Степаном Пасиором бежали и были приговорены к смерти заочно. Об этих трагических событиях и о бедственном положении православных в Речи Посполитой Петр I хорошо знал, так как русские государи издавна были покровителями и защитниками православия на Белой Руси и Украине.

Однажды во время речной прогулки царь Петр с Меншиковым и другими приближенными решил посетить Софийский собор, которым в то время владели униаты. Петр I и свита осматривали собор, а возле иконы с изображением Кунцевича Петр остановился и хмуро выслушал рассказ униатского священника о жизни епископа. Униат прекрасно знал об отношении Петра к Кунцевичу, но упрямо, вызывающее и оскорбительно твердил, что униатская вера правильная, православие — схизма, а Кунцевич — святой. Это вызвало возмущение царя, и он стал горячо возражать, напомнив об обстоятельствах смерти Иософата Кунцевича и о том, что он заплатился за свои

чудовищные издевательства над православными людьми, и сам Петр — тоже православный и хорошо помнит о тех обидах. Но униатское духовенство, присутствовавшее в храме, стало кричать о том, что православные — это схизматики, чем, безусловно, нанесли тяжелое оскорбление царю в присутствии его приближенных. Не в силах сдержать гнев от нанесенного ему оскорбления, Петр выхватил кинжал и ударил им униатского священника. Меншиков рубанул саблей второго. К ним присоединились остальные. В итоге было убито и скончалось от ран пять униатских священников. Разгневанный этой историей Петр закрыл и униатский Софийский собор, и униатский же монастырь.

Всего в Полоцке Петр I находился месяц и за это время был разработан план подвижной войны с «братом Карлом». Помогало и то, что Меншиков, имевший белорусские корни, активно использовал свои обширные родственные связи для сбора сведений о неприятеле. В результате русские знали обо всех передвижениях и планах шведов.

В конце 1705 года союзные русско-польские войска сосредоточились в Гродно. В январе 1706 года Карл XII выдвинул к Гродно большие силы. 2 февраля этого же года шведы в битве при Фрауштадте разгромили почти вдвое превосходящую по численности саксонскую армию. Русские войска оказались в Гродно в непростом положении — в окружении и без надежды на помощь саксонцев. Но по приказу Петра I они совершили удачный маневр, прорвали окружение и почти без потерь двинулись в сторону Украины. Шведы две недели собирали войска для погони, но так ничего и не достигли, надолго застряв в полесских болотах.

Осенью 1706 года Август II отказался от польского трона в пользу Лещинского и заключил мир со шведами. Но Август II не решился объявить о своем решении сразу, и, опасаясь реакции командующего русской армией Меншикова, был вынужден принять участие в сражении со шведами 18 октября 1706 года при Калише. Битва закончилась разгромом шведов, но, вопреки этой победе, Россия осталась без союзников. Несмотря на заключение сепаратного мира сопротивление Августа II шведской армии сыграло значительную положительную роль для России, позволив Петру реформировать и укрепить свою армию.

В конце 1706 года Петр собрал в местечке Жолкиев возле Львова генеральный совет, где был составлен план дальнейшей войны с Карлом XII. Было решено, что русская армия будет уклоняться от решительных сражений и изматывать шведов в оборонительных боях, тем самым создавая условия для последующего перехода в контрнаступление.

В конце января 1708 года шведы заняли Гродно и двинулись в сторону Сморгони, намереваясь дать генеральное сражение русской армии и идти на Москву. Началась маневренная война, в ходе которой русская конница и белорусские партизаны постоянно нападали на отдельные отряды противника, а также фуражиров, занимавшихся добычей продовольствия и фуража для кавалерии, устраивали завалы на дорогах. Под Гродно два крестьянина даже предприняли попытку убийства Карла XII — шведский король лишь волей случая спасся от их выстрелов.

В белорусских землях шведы грабили и убивали местных жителей, жгли города. Белорусы активно под-

держивали русскую армию — строили укрепления, часто выступали в роли проводников и разведчиков. Слуцкие кузнецы ковали для русской армии штыки — багеты. Активно оборонялись от шведов жители Могилева. Петр первый впоследствии даже разрешил за это могилевчанам свободно торговать по всей России.

Но шведы не оставляли своих попыток прорваться к Смоленску. 30 августа у села Доброе под Мстиславлем произошло крупное сражение, решившее судьбу шведского наступления на Москву. По указанию Петра генерал Михаил Голицын с восемью батальонами нанес удар по шведскому авангарду генерала Росса(8). Бой продолжался несколько часов и сопровождался сильным огнем. Шведы не выдержали стремительного натиска русских, и только подход главных сил во главе с королем спас их от полного разгрома. Вскоре после этого сражения началась распутица, уставшая шведская армия не могла найти ни пропитания, ни крова, и король повернул на юг.

В это время из Риги на помощь Карлу XII двигался 16-тысячный корпус генерала Левенгаупта, который сопровождал огромный обоз с продовольствием, снаряжением и боеприпасами. И тут Карл XII совершает роковую ошибку. Он, не дождавшись подхода Левенгаупта, двинулся на Украину. Петр же, сформировав особый летучий корпус 28 сентября у деревни Лесной юго-восточней Могилева, полностью разгромил Левенгаупта. Из 16 тысяч шведских солдат Левенгаупт привел на соединение с Карлом XII чуть более 5 тысяч. 44 знамени, 17 пушек, 900 пленных солдат и весь обоз с продовольствием и боеприпасами достался победителям. 8 тысяч шведов было

убито. Небольшие шведские отряды, рассеявшиеся по окрестным лесам, были уничтожены партизанами. Петр I справедливо именовал битву при Лесной «матерью Полтавской победы», после которой стало ясно, что именно Россия одержит верх в долгой Северной войне. Вблизи Лесной в память о победе русских войск установлен памятник.

Сама Полтавская битва, которая была главным генеральным сражением русской и шведской армий, состоялась 27 июня 1709 года. На рассвете шведы двинулись к русскому лагерю, но попали под перекрестный огонь, который русские вели из редутов — специальных укреплений. Через эти редуты шведы прорывались два часа и понесли большие потери. Затем началось само сражение. Шведам поначалу удалось потеснить центр русских войск, но положение поправил сам Петр, самолично возглавивший контратаку русской пехоты. Русская конница зашла шведам в тыл и те, растерявшись и не выдержав натиска главных русских сил, побежали. «Шведы! Стойте! Позор вам!», — тщетно пытался остановить своих бегущих солдат, лежащий на носилках с раненой ногой Карл XII. Победа Петра была полной — 20 тысяч солдат и почти все генералы были взяты в плен в плен. Была захвачена вся артиллерия и 137 знамен. Шведы потеряли убитыми 9 тысяч, пленными — около 3 тысяч, тогда как русские потери составили 1345 человек убитыми и 3290 ранеными. Спустя три дня деморализованные остатки шведской армии во главе с Левенгауптом были окружены Меншиковым и окончательно капитулировали. В плен попало еще 19 тысяч шведов. Карл XII с небольшим отрядом бежал в Турцию.

Карл XII в 1714 году был выслан из Турции, так и не добившись ее участия в войне с Россией, но продолжал грезить о победе над Петром, рассчитывая разгромить русских на море. Но Россия уже имела сильный флот, который разбил шведские военно-морские армады в 1714 году у мыса Гангут, а шесть лет спустя у острова Гренгам. Швеция потерпела поражение и на море. 30 ноября 1718 года Карл XII был убит при осаде крепости Фредрикстен в Норвегии (которая в то время была под властью Дании), и на престол взошла его сестра Ульрика Элеонора. Швеция была обречена в военном отношении.

10 сентября 1721 года был заключен Ништадский мир, завершивший долгую Северную войну. Ингрия, Лифляндия, Эстляндия и часть Финляндии отошли к России. Петр вернул русское государство на Балтику и «прорубил окно в Европу».

Границы Речи Посполитой остались прежними. Но совместная борьба против шведов еще больше укрепила русско-белорусское единство. Поистине удивительно, что неприметный Домик Петра I на Нижне-Покровской улице в Полоцке непосредственно связан со всеми этими грандиозными и такими уже далекими событиями.

Витебск, Беларусь

Мария АМФИЛОХИЕВА

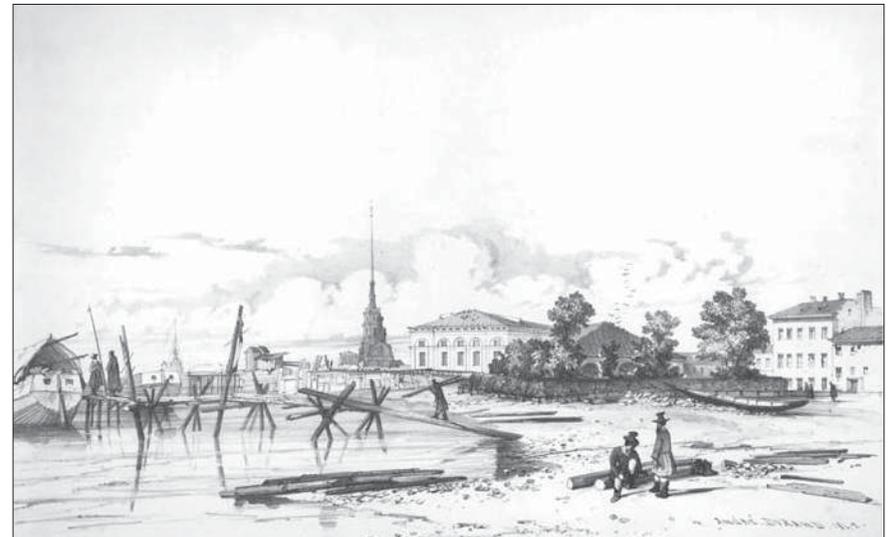
ДОМИК ПЕТРА

Этот домик Петра
Весь закован в скафандр тяжелый.
Миновала пора,
Грузный царь, во хмелю невеселый,
Проходил в эту дверь,
Нагибаясь фигурой нескладной,
Ус топорщил, как зверь,
Забавляясь тоской маскарадной.

Он от нас под колпак
Книг тяжелых упрятан надежно.
Хоть богат саркофаг,
Но лица разглядеть невозможно.
Разгадать не дано
Страхи смутные, тяжкие думы.
Нависает давно
Медный всадник скалою угрюмой...

И, собою гордясь,
Осененный Петровою тенью,
Скрыв болотную грязь,

Возвышается город-виденье.
А в домишке внутри,
Пуган бунтом и вымотан риском,
Петр не спит до зари.
Черен кров, нависающий низко.

Литография. Домик Петра I со стороны набережной Невы
на Петербургской стороне. А. Дюран. 1842 г.
© Государственный музей истории Санкт-Петербурга

МЕДНЫЙ УЗНИК

Взмыл пьедестал волною ввысь
И каменеет в апогее.
— Не оглянись! Возмездья мысль
Державной гордости страшнее.

Не оглянись: внизу — змея,
Латинские нелепы латы
И не спасают от огня
Мятежного, а им богаты
Просторы гибельной страны,
Пленяющей, лихой и мощной.
Она не чувствует вины,
Губя людей легко, как рощи...

Россия мчит сквозь боль и тьму,
И к ней прикован Всадник Медный.
— Не оглянись, — кричу ему, —
В момент иллюзии победной!

ВЕНЗЕЛЬ ПЕТРА

Камень серый в землю врос
На поляне земляничной.
По утрам от сильных рос
Намокает он привычно.

По ночам под звездный свет
Вспоминает про былое.
Уж прошло три сотни лет,
Мох зеленый память кроет.

Ровно триста лет назад
Проезжал здесь Петр Великий.
И легенды говорят:
Бросив взор на камень дикий,

Царский вензель он велел
Вырезать на камне этом.
В честь премногих громких дел
Будет славная примета.

...Камень глажу я рукой
По замшелой теплой спинке.
Что хранит его покой —
Вензель или так, щербинки?

След истории затерт,
Лишь доподлинно известно —
Императора эскорт
Приезжал на это место.

Санкт-Петербург, Россия

Андрей РОДОССКИЙ

ЗАЯЧИЙ ОСТРОВ

Петр Великий не любил охоты —
Аль другой печали да заботы
Нет у православного Царя,
Чем зверюшек убивать зазря?

Оттого-то зайнька отважный
Там, где Царь прохаживался важно,
Мысля крепость заложить и порт,
Прыгнул Государю на ботфорт!

Санкт-Петербург, Россия

Юрий ПЕТРОВ

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В МИТАВЕ

Латвийский город Елгава (ранее — Митава) по праву может гордиться своей историей. Митаву считали своего рода постоянным двором русских монархов на транзитном пути из России в Западную Европу. Петр Великий побывал здесь трижды.

Предыстория посольства

Первая поездка на Запад была продиктована желанием царя самому все воочию увидеть, все узнать: каково же оно европейское иноземье, чьим духом он проникся еще в Немецкой слободе Москвы? Россия в ту пору стояла в предверии Северной войны за выход к Балтийскому морю, а ее политика выражалась началом разносторонних контактов с Западной Европой. Суть поездки была гораздо шире первоначальных планов антитурецкого союза. .

10 марта 1697 года 25-летний Петр, горящий желанием перемен в государстве Российском и, не без влияния своего друга и соратника Франца Лефорта (от него исхо-

дила идея такого путешествия), отбыл в составе Великого посольства из Москвы в страны Западной Европы. Целью этой особой дипломатической миссии молодого царя было ознакомиться с достижениями западной цивилизации и ее передовыми технологиями той эпохи, ближе познать и перенять для России западный образ жизни, привлечь союзников в грядущей войне. Впервые в Европу отправился русский царь собственной персоной. С истинно русским размахом была организована поездка, представлявшая из себя необычное зрелище: 250 человек-послов, среди них сподвижники, личная гвардия царя, сотня волонтеров и иностранных советников, а также к ученью призванных молодых дворян. По пути рассчитывались соболиными шкурками, золотом и драгоценными камнями — российская валюта 17 века, котировавшаяся везде. То была первая презентация дореформенной, патриархально-боярской России на Европейском уровне. Такими, равными на Запад, Петр — первым, а послы — тремя днями позже, явились из Риги в Митаву и... застряли в ней из-за весенней распутицы и бездорожья на несколько недель.

В гостях у герцога

Холодный прием, уготовленный в лифляндской столице шведским губернатором Дальбергом «уряднику Петру Михайлову» и подозрения в шпионаже его спутников оставили от Риги неприятный осадок. Столица герцогства Курляндского выглядела резким контрастом рижским зловключениям. От самой Москвы послы не встречали

такого почета к себе как в Митаве. Митава предстала образцом немецкого гостеприимства, искреннего расположения к русским. Правящий в то время герцог Фридрих Казимир жил на широкую ногу, как было модно в то время: любитель охоты, лошадей и украшений, он держал придворный штат актеров и музыкантов, зверинец экзотических животных... Имея хороший доход от мануфактур, особо от либавских судоверфей, во всем копировал Версаль и венский образ жизни. Впечатление от внешнего бюргерского благополучия, сытости, порядка, благоустройства и прочих благ цивилизованного западного общества молниеносно сказывалось на молодом Петре. Ему не терпелось все это привить у себя на родине.

Важному гостю из полуазиатской Московии (вскоре бытовавшее на Западе выражение будет забыто) герцог оказал радушный и торжественный прием. У ворот Старого замка к прибытию Петра был выстроен почетный караул из личной гвардии герцога. Еще на подъезде к Митаве царю герцогом была выслана лучшая из его золоченых карет, в которой он сам выехал на встречу. Под колокольный звон с башни церкви Святой Троицы въезжал Петр в наш город. Такая же помпезная встреча была оказана и остальным участникам Великоцарского посольства три дня спустя (запоздавшим из-за досадной задержки в Риге по известным причинам).

... Не отразился ли этот теплый прием позже скрытой благодарностью со стороны Петра к нашему краю в конце Северной войны? Лифляндия с Ригой стали губернией России уже в 1710 году, а Курляндия с Митавой еще почти столетие оставались независимыми, лишь формально подвассальными Польше (вплоть до 1795 года)...

Фридрих Казимир, как и его отец, славный Яков, проводил политику сближения с Россией. Он снабдил Петра рекомендательными письмами для многих дворов Европы, как было принято в те годы. Вместе с Лефортом они, перед поездкой, составили маршрут лифляндского, а также курляндского пути Петра от Митавы до Либавы и далее на Кенигсберг.

Не до этикета...

Их отношения в Митаве складывались своеобразно. Фридрих Казимир пытался везде его сопроводить как опытный гид, и услужить во всем, как того требовал нравом хотелось осмотреться самому, к тому же царь рвался дальше к морю, через Пруссию в страну мечты — Голландию. Задерживаться в Митаве он не собирался, если бы не весеннее бездорожье и разлив рек, задержавшие посольство в городе на некоторое время. Привыкший к роскоши и беспечности, герцог как мог ублажал Петра. Ему и послам в Митаве были вручены богатые подарки, без оговорок заключен военный союз, впервые высказалась мысль и о породнении дворов (замужестве в будущем царевны Анны Иоанновны и принца Курляндского Фридриха Вильгельма). Фридриха Казимира покорила незаурядная личность высокого гостя, чья кипучая энергия преобразователя била ключом. Герцог искренне удивлялся русскому царю, и было чему: его причудам, сумасбродству и открытости суждений о необходимости реформ, ломки нравов, варварских законов и предрассудков родной России.

Атмосферы зарождавшейся дружбы не испортил даже конфуз, который быстро замяли: Петр захотел приобрести для судного приказа здешнюю не то дыбу, не то колесо (средневековое устройство для пыток преступников), но его отговорили. Слишком свежи были в памяти Петра жуткие стрельецкие восстания в Москве и интриги Софьи... В Москву он послал символический подарок, купленный в местной лавке — добротный митавский топор, с письмом князю-кесарю Ф. Ромадановскому «на отмщение врагов маестату вашего» (князь Ф. Ромадановский — заместитель Петра по государевым делам в России на время его отъезда в 1697-1698 гг).

...Таких гостей в Митаве не было никогда. Правда, в 1756 году состоялась историческая аудиенция боярина Ордина-Нащекина у герцога Якова, но этот проезд Великого посольства русских через Митаву в 1697 году — событие из незаурядных, повергшее местное бюргерство в изумление. Интересно, что в первой заграничной поездке, патриотизм молодой Петр и послы выразили в русской национальной одежде, в которой одеты были навсему пути следования от Москвы. В Митаву въехали в комзолах, кафтанах еще стрельцкого покроя и шапках из соболиного меха. А уже в 1700 году вышел указ Петра о переходе россиян на европейскую форму одежды...

Царская практика Петра в Митаве

По ходу поездки бросалась в глаза необычная тяга молодого царя к знаниям, граничившая с природным лю-

бопытством. Его визитной карточкой на личной печати из сургуча стали слова «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую». Освоение всяческих наук, навыков, плотницкая и кораблестроительная практика Петра, бредившего морем и флотом, проходили не только на судовой поверхности Голландии и Англии, но везде по ходу поездки, где только можно было бы чему-нибудь поучиться, приложить руку и инструмент. Для расширения кругозора и знаний Петра интересовало все — военное дело, экономика, культура, искусство, науки, религиозная приверженность досель ему неизвестных западных стран.

Не стала исключением и столица герцогства Курляндского. Немецкий уклад жизни был размеренным, но основательным и практичным в делах, а также меркантильным с точки зрения хозяйственных интересов бюргерства и самого герцога. В Митаве славились школа и традиции ремесленничества. Мастера своего дела были объединены в гильдии ремесленников.

В нашем городе Петр время зря не терял: помимо переговоров с герцогом, знакомился с бюргерством, купцами, ремесленниками, подрядчиками... В этой связи, примечательный эпизод описывается в историческом романе А. Соколова «Меншиков», где предложена одна из возможных версий времяпрепровождения Петра Первого в Митаве. Вот цитата из этой книги: «В Курляндии славились плотники по ремонту поврежденных судов, — особо искусно вытесывали они килевые части шпангоутов (основная часть каркаса корабля в морской терминологии), наиболее подверженные порче, поломке. И Петр немедля решил сам перенять у них это искусство и заставил своих волонтеров учиться тесать по «курляндски».

Тесали старательно, Чисто в отделку получилось у самого Петра, у Данилыча и у десятника второго десятка волонтеров Плещеева Федора. Вытесанное Петром «по месту» бревно герцог приказал поместить в митавский музей...»

Остается загадкой, в какой?... Курляндский провинциальный музей был основан лишь в 1818 году. Вероятно, в Старом Митавском замке герцог имел личное собрание произведений искусства и предметов старины, представляя это помещение Петру как музей. Важен след, оставленный здесь в предании о русском царе, о чем еще речь пойдет ниже.

Из преданий о пребывании Петра в Митаве

Есть еще одно, заслуживающее внимание. В этом контексте можно полнее представить, как коротал время в Елгаве русский царь. В то время по указу герцога в городе строили школу — здание в типично немецком фахверковом стиле. Интересы или практики ради и Петр предложил поучаствовать в отделке бревна под брус для перекрытия крыши. Этот самый «царский» брус позднее обернули бархатом прикрепив табличку, что сам Петр Великий приложил руку в строительство митавской школы, дабы оставить память потомкам о добром вкладе русского царя в развитие инфраструктуры просвещения курляндской столицы. Памятный брус, обитый бархатом в одной из довоенных школ (тогда 4 основная школа) города действительно сохранился вплоть до начала XX века, а пре-

дание передовалось из поколения в поколение. На месте этой школы после Второй Мировой войны построена типография.

В провинциальной Митаве на Петра временами находила скука, но то чего не было в России у русского царя неизменно вызывало любопытство и неподдельный интерес. Так в одной из аптек города, по преданию, он с удивлением обнаружил необычный экспонат, своего рода кунсткамеру в миниатюре: заспиртованная саламандра в сосуде напоминала о недавних колониальных приобретениях отца Фридриха Казимира — герцога Якова (остров Тобаго и часть Гамбии), о бороздившем южные широты, мощном флоте Курляндии (более 100 кораблей — торговых и военных) — отголосок былого рацвета герцогства. Заспиртованная экзотическая живность дивила царя затем и в аптеке Либавы. Есть версии, что именно от такой рекламы в тогдашних немецких аптеках Курляндии, где искусство бальзамирования тел усопших членов герцогской династии было в традиции, зародилась у Петра идея Кунсткамеры в Санкт-Петербурге...

Великое приобретение досталось герцогу в наследство, по мысли Петра — это Балтийское (или, как называли Варяжское) море, чего не было в Митаве, но имелось в Либаве. Именно туда держал путь Петр после Митавы, чтобы впервые сесть на иноземное судно, не только в качестве царя, но и пассажира-путешественника...

Таковы предания только первого посещения нашего города в 1697 году Петром Первым. Впереди была Северная война — новый этап становления России, как великой державы. В этом же контексте история связала Латвию с

Россией многими нитями прошлого, ведущего к настоящему — битва под Мурманской (Вилце) и взятие Митавы в 1705 году, женитьба племянницы царя с герцогом Фридрихом Вильгельмом (Фрицкой, как ласково называл его Петр), 18-летнее пребывание Анны Иоанновны в Митаве, ее любовные несчастья и последствия воцарения на российский престол, бироновщина, гений архитектора Ф. Б. Растрелли, дворцовые стройки века не только в Санкт-Петербурге, но в Митаве и Руентале (Рундале)...

**Елгава (Митава),
Латвия**

Галина СУХАНОВА

ДВОРЕЦ РАСТРЕЛЛИ

*Русская императрица
Анна Иоанновна
17 лет жила в Митаве*

Дворец Растрелли смотрит в небеса,
Встречает солнце в розовом тумане.
Величествен и горд, по замыслу Петра,
Напоминает елгавчанам он об Анне ...

А к взморью катит волны Лиелупа-река,
И он в нее, как в зеркало, глядится ...
Понятно каждому, что связь их на века.
России с Латвией родство возобновится!

**Елгава (Митава),
Латвия**

Владимир КОЛЬЦОВ-НАВРОЦКИЙ

ВИЗИТЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ЛИТВУ

*Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.*

Александр Пушкин «Полтава»

В 2016 году исполнилось 315 лет со дня первого визита российского царя Петра Алексеевича Романова (1678-1735) в пределы Литвы, сыгравшего определенную роль в истории нашего края. Правда, за три года до этого по приказу Петра I корпус под командованием боярина Михайло Ромодановского уже переходил литовскую границу и поддержал избрание королем Польши и великим Литовским князем саксонского курфюрста Фридриха-Августа I, вошедшего на престол под именем Август II Сильный (1670-1733). По этому поводу преобразователь России, искавший варианты выхода державы к морским рубежам, отписал английской королеве Анне Стюарт (1665-1714): «Сия армия отдана была в его команду как скоро он туда прибыл, дабы привести его в состояние наказать своих

устранив многих из оной, принудило признать его своим государем и таким образом вспоможением нашим утвердился он на престоле».

Устранив разногласия с Османской империей на юге, по спорным вопросам побережья Азовского моря, в Москве, празднуя константинопольский мир, сожгли «потешные огни» и на следующий день объявили войну «надменному соседу» на севере. В поисках потенциальных врагов Швеции царь Петр и принял приглашение Польского короля Августа II на встречу.

В последний день января 1701 года «царские сани» — небольшой утепленный возок на полозьях, запряженный шестеркой лошадей, обозом выдвинулся из Преображенского села и под перезвон поддужных колокольчиков через три недели прибыл к границе Жмуди с Курляндией. При въезде на опущенный мост крепости Биржи высокого гостя встречал почетный эскорт с троекратным «vivat» из всех пушек, правда, местный литовский гарнизон великий Литовский князь заменил преданными саксонцами.

Русские тоже, как констатировал один из польских сановников, «чрезвычайно стройно экзерцировали и стреляли, одетые в зеленое платье на меху и в опушенных шапках из красных соболей, сделанных на манер татарских. Ружья их гвардейцев гораздо длиннее саксонских, а штывки еще длиннее...».

С дороги царь попросил протопить баню, и за последовавшим обедом оба монарха «были веселы, и частые тосты сопровождались пушечными выстрелами, звуком труб и музыкою. Застолье длилось до самого вечера».

В процессе переговоров монархи подписали совместное соглашение о действиях против Шведского Ко-

ролевства, при этом Петр дал обещание «не мириться со Шведами до тех пор, пока Польше не будут возвращены Инфляндия и Эстония, и что сам он ничем не хочет воспользоваться из этих провинций, и что для предстоящей войны он даст 20 тысяч пехоты и 40 орудий со всеми военными снарядами, амуницией и жалованием на все время, сколько война продолжится».

В заключение, российская сторона устроила званый ужин в честь прибывшей литовской делегации — «жмудского старосты и литовского подканцлера», и царь, выслушав приветствия и приняв от них подарки, и сам в свою очередь всех щедро одарил. Правда, с подарком Августу — сабли в ножнах, богато разукрашенной драгоценными камнями, — случился потом конфуз, так как ее через два года при заключении тайного сговора со шведским королем поиздержавшийся Август передарил, о чем Петру своевременно донесли, и что дало повод после Полтавской битвы подтрунивать над «союзником на все времена».

— А где сабля, подарок тебе?

— Забыл в Дрездене, — не моргнув глазом ответил Август.

— Ничего, прими в подарок новую...

И Петр протянул изменившемуся в лице польскому королю ту самую саблю, обнаруженную в шатре Карла XII после разгрома его войск.

Но это будет позже, а тогда в знак исторической встречи, прошедшей на вотчине литовских князей Радзивиллов, Петром велено было изготовить памятную серебряную медаль, на аверсе которой было выбито на латыни: «Петр Алексеевич великий Русс. Царь», а на обратной

стороне: «Август II Божию Милостию Царь Польский и ел. (ектор) Саксонский».

27 февраля русский царь покинул пределы Литвы и через десять дней без остановок вернулся в Москву. К сожалению, во время начавшейся Северной войны замок Радзивиллов в Биржах, за преданность «не той польской короне», шведами был разрушен и дворец взорван.

Через четыре года Петр I снова принял приглашение Августа II посетить Литву, но в этот раз прибыл с более «значительным сопровождением», так как потребовалось военное вмешательство в «sprawy polskie» (польские дела) — помощь польскому королю. За прошедшее время шведские отряды неоднократно входили в Польшу и даже расположили гарнизоны в Варшаве и Кракове, и часть сейма объявила Августа II лишенным престола, выбрав королем Станислава Лещинского. Оказавшись в столь критическом положении и вспомнив, что он «все еще союзник», низложенный король обратился за помощью.

К Северной войне готовились, но последствия начала боевых действий оказались непредвиденными, как известно русские войска под Нарвой понесли от армии Карла XII (1682-1718) ощутимые потери, тем не менее Петр I извлек уроки и выполнил союзнический договор, издав манифест к Варшавскому сейму о вступлении русских войск в Литву.

Историк Дмитрий Довгялло (1868-1942) приводит донесение одного из шведских соглядатаев в нашем городе: «Вступая в Вильну, царь был только лишь в чине капитана, стараясь службою достичь высшей степени, по ино-

земному обыкновенно, хотя имел в своих полках многих иностранцев в качестве офицеров, полковников, и генералов. Согласно указанию иноземцев, по принятому у них обычаю, а также для того, чтобы показать пример своим боярам и князьям, — пехотный свой полк, называемый Преображенским, набранный из людей отборных как по росту, так и по выправке, — сам царь вел через весь город Вильну за каменный мост на квартиры. За ним шли в порядке: сильная кавалерия, драгуны и пехота, пушки и, так как в то время русские войска еще сами содержали себя, везли возы, хорошо нагруженные припасами». («Петр Великий в Северо-Западном Крае в 1705 году». Вильна 1905 г. Сетевая публикация Русские творческие ресурсы Балтии, 2012 г.)

В город российские войска вошли с Полоцкой заставы через Заречье, промаршировали рядом с Пречистенским Собором и костелом Святой Анны, далее мимо Замковой горы, по набережной, через «зеленый мост» и расположились полевым лагерем на Снипишских равнинах, удивляя местных жителей. «Стоя не малое время под Вильной, царь Московский ежедневно готовил свое войско к войне и усердно учил его, так как оно, хотя и многочисленное, состояло из недавно набранных рекрутов. Не только простые солдаты, но и самые знатные кушали горячие «*bliny*» вместо пирожков, начиненные в середине вареным горохом, капустой, морковью; — пряных блюд польских они не употребляли, но ели сырую капусту, залитую бураковым разсолом. Равно ели в качестве деликатеса, рыбу в теплой воде, облитую тем же разсолом, или же, как особое лакомство, залитую уксусом». Вскоре «рыба в теплой воде» — уха и селедочка под уксусом — вошли в

меня не только виленчан, но и жителей других городов Европы.

Далее историк Дмитрий Довгялло пишет: «Виленский епископ, кс. Бржостовский, с иными своими епископами и со своей капитулой старался привлечь к себе царское благорасположение, ибо московское войско расположилось в этом году по соседству с Верками, принадлежавшими епископу. Сделав визит царю, он приветствовал его со счастливым вступлением в государство Речи Посполитой и с будущим триумфом над общим неприятелем — шведом».

Удостоив аудиенции влиятельных лиц, Петр I устроил обед, на который были приглашены как старые знакомые по визиту в Биржи — «жмудский староста» пан Казимер Огинский, построивший в память о посещении царя церковь для православных, — так и новые: «пан каштелян Коциол, пан Халецкий, пан писарь Мозырский Ленкевич и многие из общества, самые знатнейшее, так как не всех пускали. На все царские вопросы паны старались отвечать как можно предупредительнее и любезнее. Они же дали позволение от имени всей провинции великаго княжества Литовскаго на содержание московскаго войска. Этим царь был весьма доволен, ибо в то время не был еще знаком со строем Речи Посполитой».

Во время обеда «паны-товарищество», затуманив разум разными напитками, начали ссориться между собой и «поручик Ленкевич и один из его товарищей, обнажив сабли, начали наносить друг другу раны на голове и на руках... » Драчунов разняли и этот поединок в присутствии царя стал большим конфузом для присутствовавших там литовских панов.

Живя на Антоколе в палатах дворца пана Слушки, Петр часто бывал в особняке рядом с ратушей. Археолог, историк Флавиан Добрянский (1848-1919), автор путеводителя по городу «Старая и новая Вильня» уточняет: «С другой стороны ратуши, по направлению к Немецкой улице, рядом с великолепной гостиницей «Контининталь», находится дом Познанскаго, в котором помещается «Бельгийская» гостиница. Дом этот в XVI веке принадлежал знаменитой Литовской фамилии Остиков; в нем некоторое время заседал главный литовский трибунал, памятником чего служит каменная статуя Фемиды, находящаяся на фасаде этого здания. В этом же доме Петр Великий, в 1705 году, принимал депутацию от Виленских жителей».

Знакомство с достопримечательностями города и наблюдения за повседневной жизнью «среднеевропейской столицы» дали преобразователю России возможность лучше изучить функционирование различных учреждений. Вместе с сыном, царевичем Алексеем Петровичем, Петр присутствовал на заседании виленской иезуитской академии и, выслушав все выступления, принял приглашение разделить ужин с иезуитами.

В одной из первых попыток систематизировать данные о петровских преобразованиях, историк Иван Голиков (1735-1801), об июньском походе на Вильну приводит объем переписки: «Неутомимый монарх, неусыпно взирая за порядком, имел время отправить следующие повеления свои: 1) в Воронеж Г. Опраскину о переделке корабля Провидение и что б при перемене у Троицких бомбардирских кораблей боргоутов убавить шпигели сверху так как убавлено у Ступенских. 2) к Г. Стрешневу о посылке в

Ингрию новоприборных солдат. 3) и 4) к генералу Рену, чтоб он в Гродно не шел, ибо Левенгаупт пробирается в Литву, но встать ему около Ковна и всевозможно его тревожить; а если подлинно он пойдет на совокупление к королю своему, то совокуплять ему Рену и с саксонским войском, всевозможно до того не допускать, для чего прислано ему будет в подкрепление еще несколько полков».

Кроме того, в нашем городе Петр I проявил качества знатока истории края и искусного фортификатора, сделал распоряжение укрепить частоколом подступы к Замковой горе и передислоцировав туда роту «бомбардиров», занявших круговую оборону. Царь знал, что пятьдесят лет назад, в 1654 году после воссоединения Украины с Россией, часть местной шляхты осталась верна присяге гетману Богдану Хмельницкому, и в ходе начавшейся войны России с Речью Посполитой небольшой русский гарнизон под командой князя Даниила Ефимовича Мышецкого (1608-1661) в течение полутора лет удерживал оборону этой господствующей высоты, пока по приказу польского короля Яна Казимира (1609-1672) пушки артиллерии полностью не разрушили замок основателя города, так и не взяв его штурмом.

Замок Гедимины до сих пор остается в развалинах, за исключением одной отстроеной башни, ставшей символом города.

Помимо того, как «в лагере под Вильно, великий государь непрестанно экзерцировал войско свое, делая все воинские маневры. Приезжавшие к его величеству многие польские и саксонские вельможи, видели сие упражнение монарше, и признавались, что исправность солдат

российских превзошла их чаяние...». Тогда же произошло еще одно немаловажное событие, имевшее далеко идущие последствия — крещение в православную веру «басурманского отрока» Ибрагима Ганнибала.

Трудно определить, что повлияло на решение царя в выборе места, может буквы на стене по церковнославянскому счету «SWNT», означающие «1345» — год освящения, но теперь на одном из самых маленьких храмов нашего города установлена мемориальная доска: «В сей Церкви Император Петр Великий совершил благодарственное молебствие за одержанную победу над войсками Карла XII, подарил ей знамя, отнятое в той победе у Шведов и крестил в ней Африканца Ганнибала — деда великого поэта нашего А. С. Пушкина».

Таинство Крещения подтверждается рукописью Ибрагима Ганнибала «Геометрия и фортификация», хранящаяся в «Пушкинском доме» Санкт Петербурга, где рукой автора выведено: «Был мне восприемником от Святой Купели Его Величество в Литве в городе Вильно в 1705 году».

Можно предположить, что именно в связи с этим событием голландскому граверу Адриану Шхонебек (Schoonebeck) (1661-1705) был заказан портрет «Петр I с арапчонком» (1705 г.), на котором царь в парадном мундире стоит рядом с Ибрагимом. Исходя из этого факта, можно с определенной долей уверенности заявить, что они позируют художнику на берегу реки Вилии (современное название река Нерис), а не Невы, как считается.

Завершающим визитом русского царя в Вильно стал внеочередной созыв трибунала «под управлением референдария великого князя Литовского, человека справедливого и мудрого Стефана Слизня, единственно для

утверждения власти короля Августа II-го и по закрытии трибунала, 12 Сентября Москва ушла из Вильны — часть в Гродно, часть к Риге», — сообщается в выше приводимом исследовании Ивана Голикова.

Корпус, который выдвинулся на зимние квартиры по тракту на Гродно, держался маршрута через Рудники на Эйшишки, и прежде чем покинуть Литву, последние три дня царь провел в имении Трабушки, что в 20 километрах от Эйшишек. Владелец имения Леон Ильцевич вспоминал, как на дороге запылили передовые отряды кавалерии, пошли колонны пехоты и потянулись обозы с артиллерией, вскоре расположившиеся лагерем по округе, при этом соблюдая необыкновенную тишину и порядок. Прибывшие в имение офицеры осмотрели все постройки и стали обустривать самое лучшее помещение для какой-то «значительной особы», задрапировав стены парчой и устлав пол коврами. «Заведывающий кухнею начал хлопотать около съестных припасов, толстая корова, куры, гуси, масло, овощи, словом все, что только было нужно, взяли за весьма щедрую плату. В соседстве ни одного цыпленка не было взято без денег».

Пан Ильцевич догадался о том, кто удостоил его посещением, но был все же удивлен, когда гости через три дня засобирались, и царь подозвал его, поблагодарил и поинтересовался, не имеет ли он какой претензии или просьбы?

— Ничего более не желаю, как воспоминания на бумаге о посетившем меня счастье.

— Хорошо, — ответил Петр.

«И сядясь в экипаж, он велел мне приблизиться, пожал руку и вручил бумагу с печатью, произнеся при этом, принятые на русском языке прощальные слова».

Военный инженер, историк и публицист Теодор Нарбут (1784-1864) нашел эту «охранную грамоту», выданную царем и сообщил о ней в сентябре 1853 года на одном из заседаний виленской археологической комиссии, членом которой он являлся: «Этот рескрипт занесен по оригиналу в земские акты Лидского уезда, под числом 23 мая 1823 года. Оттуда то снята копия. Число стерлось на оригинале, так что едва можно вычитать ... уста (т. е. августа) и цифру 30 по церковному. Исторические исследования показывают, что год должен быть 1705, когда Петр с войсками двинулся от Вильно к Гродно, князь Меншиков предводительствовал войсками, а Григорий Огинский сторонник короля Августа, находился при Петре».

На снятой Нарбутом копии написано: «Божьею милостью мы присветлейший и державнейший великий Государь царь и великий князь Петр Алексеевич, самодержец всероссийский. Повелеваем всех войск наших генералам, нашим фельдмаршалам, генералам и малороссийских наших войск гетманам, також и залежным от них региментаржам и прочим высоким и низким офицерам и рядовым, дабы властности Трабушек пана Леона Ильцевич в Лидском уезде, без нашего великаго Государева указа, отнюдь никаких чрезвычайных запросов а иных никаких налог и обид не чинили, и поборов и никаких вещей, також и лошадей своеволью и без повеления не брали кроме самых нужных посылок и то с подорожными, от вышеописанных наших генералов под опасением себя за то от нас великаго Государя нашего царского величества жестокого наказания по воинским правам».

«В свидетельство того дань есть сей наш царского величества охранительный лист за нашего царского вели-

чества печатью. По указу его царского величества (L. S.) Секретарь Шафиров».

26 января 1708 года Петр вторично посетил Вильну, остановившись в городе на десять дней «передохнуть», так как бессонные ночи последних дней и быстрые переезды зимой налегке сказались на самочувствии, к тому же накануне он получает известие, что к Гродно приближается отряд шведов.

Делается рекогносцировка войск и князю Аниките Репнину (1668-1726) посылается строгое распоряжение: «Извольте отступить в указные места и делать по указу над провиантом и фуражом». Результаты не заставили долго ждать, и 6 февраля царь записал в «походный журнал»: «Неприятель от Гродно рушился и наша кавалерия пред ним идучи, тремя тракты все провианты и фуражи разоряет и подъездами его беспокоивает, от чего он в такое состояние приведен, что по сказке пленных великой урон в лошадях и людях имеет и в три недели не с большим десятъ миль от Гродни отошел».

Так приказом из Вильны — «главное войско обжиганием и разорением утомлять» — Петр впервые начал претворять план, по которому на пути следования неприятеля уничтожался весь провиант, фураж, уводился скот, устраивались секреты и засады. В нашем городе Петр Великий понял, что военный замысел начал срабатывать на результат будущих побед, и «та смутная пора, когда Россия молодая» закончилась...

Вильнюс, Литва

Лариса БОЯРОВА

АРАП ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ВИЛЬНО

В столице Литвы — Вильнюсе стоит церковь во имя Параскевы-Пятницы, основанная в 1345 году, о чем свидетельствует найденный при восстановительных работах в 1864 году обломок стены, на котором старославянским письмом обозначена дата —1345 год. Седой стариной веет от этого небольшого храма, что на старинной улочке под названием Большая. На наружной стене этой православной церкви есть надпись на памятной доске. В сей церкви император Петр Великий в 1705 году слушал благодарственное молебствие за одержанную победу над войсками Карла XII, подарил ей знамена, отнятые у шведов в той победе, и крестил в ней африканца Ганнибала — прадеда знаменитого нашего поэта А. С. Пушкина.

Во время войны со шведами в Вильне некоторое время находилась ставка Петра I. В ходе военных действий город несколько раз переходил из рук в руки, то к шведам, то к русским войскам. Российский самодержец находился в Вильне с 15 июля по 1 августа 1705 года и с 26 января по 4 февраля 1708 года.

О том, что Петр Великий крестил арапа Ганнибала, свидетельствует документ, который хранится в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге. Ибрагим Ганнибал в своем рукописном труде «Геометрия и фортификация» сообщает о факте крещения его Петром Великим: «был мне восприемником от Святой Купели Его Величество в Литве в городе Вильно в 1705 году».

Это небольшое, казалось бы, событие ведет к началу истории рода Пушкиных, к последующему витку в русской литературе и поэзии в лице великого и любимого всеми поэта А. С. Пушкина. Его сын Григорий Пушкин проживал в своем имении в Маркутье (Маркучьяй) в Вильне. Здесь же он и похоронен со своей супругой в фамильной усыпальнице. По их завещанию в их доме создан литературный музей им. А. С. Пушкина.

Горожане любят проводить выходные дни в живописном парке в Маркучьяй. Часто можно встретить экскурсии учеников, здесь проводятся вечера поэзии.

Сейчас бережно отреставрированный Вильнюс сияет свежестью и красками. Стремятся жители к святым местам, к церкви св. Параскевы-Пятницы, что построена первой женой великого князя Альгирдаса — витебской княжной Марией Ярославной. В этой церкви крестили в православие трех приближенных князя Альгирдаса: Антония, Иоанна, Евстафия, которые приняли мученическую смерть в 1347 году и в дальнейшем канонизированы как святые виленские мученики. Здесь крестились в православие и все двенадцать сыновей князя Альгирдаса. В истории Пятницкой церкви существует немало и других значимых событий.

А сейчас невдалеке от церкви празднуются проводы Масленицы, здесь собираются художники, проводятся яр-

марки. Люди помнят историю, которая бережно хранится в душе. И великие деяния Великого Петра I находят отклик в сердце каждого русского человека.

Вильнюс, Литва

**Вячеслав
ПРЫТКОВ**

КОРТИК ГАНГУТЦА

Накануне Густав Эссен (Ессен) узнал от отца, что он зачислен на учебу в Навигацкую школу. Известие это было не таким уж неожиданным для юноши, так как в доме Эссенов все напоминало о морской службе отца Густава — Курта Эссена. Густав на миг представил, как он будет ходить на занятия, одев голубой бострог и зеленую шляпу с высокой тульей и широкими, загнутыми вверх полями, как пойдет ему припудренный мукой парик с косами, а преодолев три ступени обучения, начнет практиковаться на настоящих морских судах. Он продолжит дело отца, с честью послужившего русскому флоту.

Густав гордился своим отцом, который участвовал в сражении при Гангуте, сам русский царь Петр наградил его за храбрость абордажным кортиком. Кортик стал самой дорогой реликвией в доме Эссенов. Юноша часто бережно брал его в руки, рассматривая длинное, более полуметра лезвие, по которому славянской вязью шла выгравированная надпись «За храбрость!» На верху рукояти имелся специальный абордажный крюк, используемый в бою. Металлический наконечник кожаных ножен был украшен двуглавым орлом, увенчанным короной.

Древний род Эссенов происходил из голландской провинции Гельдерн из Вестфалии, откуда его предки в XVI веке переселились в Балтийский край. Как и многие другие иностранцы, перешедшие на службу в Россию, Курт Эссен изъявил желание служить под Андреевским флагом. В чине порутчика он в 1711 году попал на корабль Азовского флота, базировавшегося в морской крепости Троицк (Таганрог). Хорошо укрепленная первая российская военно — морская база, имевшая превосходную гавань, защищенную морским фортом Черепаха, являлась важным аванпостом русского флота. Из Троицка Курт был переведен в Черкасск — столицу Донского войска в Раздорскую Петровскую гавань.

Шел 14 год Северной войны. Петр усиливал молодой Балтийский флот, в составе которого имелись три линейных корабля, три фрегата и две шнявы. Основу же группировки составляли скампавеи и большие галеры. Эти маневренные и достаточно быстроходные весельные суда, как нельзя лучше подходили для плавания в узкостях балтийских шхер, разбросанных у побережья Балтийского моря.

Дальнейшая служба Курта Эссена проходила на Балтике, в акватории ревальской гавани. Галерная флотилия, предводительствуемая Петром Михайловым (такой фамилии удостоил себя сам царь), отправилась на помощь русскому флоту генерал — адмирала Федора Апраксина, зажатому в Тверминне превосходящим шведским парусно — гребным флотом вице — адмирала Густава Ватранга. Галера, на борту которой находился Курт Эссен, была большой, имела две мачты с треугольными парусами. На носу, под помостом размещались три медных 5-ти фунтовых пушки, а

чуть сзади — одна 24 — х фунтовая главное артиллерийское орудие судна. Помимо палубной команды и гребцов на галере находилась сотня солдат абордажной команды под началом самого Курта.

Неожиданный маневр Петра — бросок русских галер по суше через сооруженный бревенчатый настил в мелководье Рилакс — фьорда способствовал ослаблению и разделению группировки Ватранга на две части, одна из них под командованием шведского контр — адмирала Нильса Эреншельда перебрасывалась в Рилакс — фьорд. Здесь русские галеры сошлись в бою со шведским парусно — гребным фрегатом «Слон», 6 — ю большими галерами и 3 — мя шхерботами. Завязалась ожесточенная шармицель. Картечь со шведских кораблей не давала приблизиться русским галерам, и главный козырь балтийцев — абордажный бой никак не мог осуществиться. Наконец, после перестройки к фланговым атакам и маневрирования, используя наступивший штиль, галеры близко подошли к шведам на абордаж не смотря на большие потери в личном составе. На высокие борта шведского флагмана «Слон» полетели «кошки», по штурмовым трапам карабкались с абордажными топорами и кортиками атакующие солдаты с русских галер. Жестокая сеча началась на палубе «Слона». Галера с солдатами Курта Эссена пошла на абордаж со шведским шхерботом. Курт, подавая пример своим солдатам, первым взобрался на борт вражеского судна. После упорного сопротивления шведские экипажи сдались, спуская по флагштоку синие с желтым перекрестием флаги. Корабли Ф. Апраксина довершили разгром остального шведского флота. Это была первая большая морская виктория России.

Петр I оставил такую запись в своем походном журнале: «Воистину нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых, понеже абординование так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечью, но духом пороховым от пушек разорваны...»

Сын Курта Эссена — Густав после окончания Навигацкой школы в 1723 году стал гардемаринном, в 1727 — произведен в мичманы и назначен адъютантом к адмиралу П. Сиверсу. Фрегат «Принцесса Анна» стал его родным кораблем, на нем в период с 1737 по 1739 годы лейтенант Густав Эссен нес брандвахту на Балтийском море, в акватории Ревеля, а в 1740 году назначен командиром этого корабля. В отставку вышел капитаном.

С тех пор славную традицию беззаветного служения российскому флоту за двухсотлетний период продолжили 12 представителей рода Эссенов, среди них — адмирал Николай Оттович фон Эссен (1860 — 1915) — командующий русским флотом Балтийского моря, замечательный флотоводец, далекие предки которого верой и правдой служили России.

Примечания

Навигацкая школа — первая в России школа, готовившая профессиональных моряков, открыта в 1701 году в Москве.

Бострог — голландское платье (голубое или черное), одежда слушателей Навигацкой школы.

Тверминне — бухта, расположенная у полуострова Гангут (Ханко).

Шнява — (или мункер от фр. «*mon coeur*» — «сердце мое» — петровский двухмачтовый корабль, вооруженный 14-ю трехфунтовыми орудиями и экипажем в 70 человек).

Скамповая — (от ит. «*scampare*» — «спасаться», «*via*» — «путь») — малая весельная галера, имевшая 18 пар весел и 1-2 мачты с треугольным парусом.

Шармицель — (нем.) перестрелка, стычка.

Брандвахта — несение караула на сторожевом корабле в акватории порта.

Рилакс — фьорд — находится севернее полуострова Гангут, у острова Лаккисер.

Каунас, Литва

Гравюра. Сражение при Гангуте в июле 1714 года. А. Ф. Зубов. 1715 г.
© Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Иосиф РАБИНОВИЧ

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В АНГЛИИ

Погода в январе 1697 года в Лондоне выдалась необычная. Похолодало, но туман рассеялся и выглянуло редкое для этого времени солнце. В его неярких лучах красавица The Transport Royal выглядела особенно привлекательно. Адмирал лорд Перегрин, маркиз Кармартен с родительской любовью оглядывал свое любимое детище. А и было на что взглянуть — изящные обводы, стройные мачты, нет, не даром корабль на английском языке женского рода. И вот теперь ее как любимую дочь надо было выдавать замуж. Правда жених конечно знатный — русский царь Петр. Знатный то знатный, но со странностями необычными для монарха. Приехал Европу инкогнито, в Голландии, говорят, остановился у корабельного мастера, а официально его царство представляет его свита, в которой, надо признаться, немало европейцев, хотя и невысокого происхождения. Смогут ли поданные русского царя управиться с красавицей. Она конечно великолепна на ходу, но требует твердой и умелой руки. Нет, надо решительно предлагать, а может и требовать, чтоб капитаном на The Transport Royal шел Вильям Рипли, только ему можно доверить капризную красавицу. А пока надо

выполнить приказ короля — подготовить к передаче, так чтоб можно было у русских выторговать побольше. Нет, не денег, денег у казны хватает, куда важнее торговые преференции, ведь эта варварская Московия — огромный рынок для европейских товаров, особенно учитывая аппетиты царя.

А у царя Петра, впервые попавшего в Европу, подчас разбегались глаза — хотелось всего и сразу, но траты, траты — все стоило немалых денег. Однако на аглицкий корабль царь зарился давно. Когда стало ясно, что король Вильгельм приглашает Петра посетить Лондон, и не только, царь послал майора Адама Вейде дабы тот прознал все о королевском корабле. Адам был грамотный и старательный офицер — в отличие от иных петровских приближенных в Англии по кабакам и срамным девкам не шлялся, исправно сполнял царскую волю. Внимательно осмотрел корабль и докладывал письмом государю что он — корабль «делом кажется мне гораздо хорош и снаружи мало не весь вызолочен будет. На том фрегате 20 медных пушек ядром по 6 фунтов, между пушек учинена гребля; мерою, сказывали мне, в киле 75 футов английских. Сему судну парусом бежать из всего королевского каравана примеру нет...»

Это донесение так раззадорило Петра — он жаждал получить королевскую яхту и сделать ее царской. Поэтому прибыв в Англию он едва ли не первым делом попал в Гринвич на верфи, с чьих стапелей сошла The Transport Royal. Он жадно впитывал в себя всю аглицкую премудрость морскую. И конечно осмотрел свою королевско-царскую мечту. Слова Кармартена о том, что дел еще много, не меньше двух недель воспринял как личную обиду.

Он, обладавший врожденным чутьем на всякие хитрости, попался на удочку, хотя и сам видел — работ по наведению лоска осталось порядочно. И если бы только лоска — резьба и позолота мало интересовали его, а вот мореходные качества... Кармартен наметил немало переделок именно для их совершенства, работали с мачтами реями и прочим такелажем.

Известно, за просто так ничего не дарят, а царствующие особы и подавно. Царь знал, что попросят, чего — ни будь, дай Бог чтоб нам по силам было. Загадка разрешилась довольно быстро — конечно никаких политических условий не ставилось — ни военных ни территориальных общих интересов нет. И речь пошла о вопросах чисто экономических — торговля Англии с Россией процветала — англичане вывозили из России строевой лес, пеньку, ну и традиционные меха. Правда, дальше Архангельска не ходили они. Что было причиной этому? Может быть неудачное путешествие капитана Вуда на русский север еще при единокровном брате Петра — Федоре Алексеевиче. Чудом спасшийся после крушения у берегов Новой земли Вуд представил отчет с нелестной характеристикой дальних северных рубежей Московии. Сам ли он сделал такие выводы или подсказали ему это русские чиновные люди, трудно сказать, но с той поры британцы дальше Архангельска не заплывали.

Даже не верится, что именно флоту российскому обязаны мы нынешним повальным курением, сколько не предупреждает Минздрав. Нет, царь баловался табачком и до поездки в Европу, а тут хитрый Кармартен изложил просьбу аглицкой короны, вернее купцов аглицких. За застольными беседами, а маркиз оказался большим лю-

бителем бренди, что зело понравилось царю, Кармартен пояснил желание Англии монопольно торговать с Россией табаком, благо в американских колониях, а именно в Вирджинии негритянские рабы выращивали на плантациях добрый табачок. И объемы они предложили немалые англичане обязались поставить в Россию три с половиной тысячи фунтов табака за семь лет. И главное, предусматривался аванс, 12 тысяч фунтов стерлингов. А государь со товарищи поиздержались в Европе и не столько на себя, хотя гуляли и кутили изрядно, особенно Меньшиков с Лефортом. Трат было много — закупали оборудование, нанимали специалистов и мастеров, разных ремесел. Тут уж было не до борьбы с курением осуждаемым православной церковью. Еще в 1634 году дед царя под угрозой смерти запретил никоцианову траву, как богопротивное дело. Петр нарушал традиционный консерватизм. Он издал указ «...чтобы патриарх в табашные дела не мешался. Он при мне блюстителъ только веры, а не таможенный надзиратель». Да и на ту же яхту понадобился экипаж, состоящий из англичан. Маркиз рекомендовал капитаном своего ставленника Вильяма Рипли.

2 мая 1698 года все вздохнули с облегчением — англичане радовались, что удачно подарили корабль, а Петр со свитой, что вроде все сделали, закупили, наняли и благополучно отвалили от британских берегов в сторону Голландии.

Царь, сойдя на сушу отправился в Вену, а закупленное вместе с нанятыми спецами — караванами двинулись в Россию. Среди зафрахтованных судов отправилась и царская красавица яхта навстречу своей необычной счастливой и трагической судьбе.

Князь Михайло Иванович Лыков — архангельский воевода этим летом вовсе потерял покой. А все затеи молодого государя. А Михайло Иванович человек немолодой, не первый год служит государству российскому — родился он еще в царствование деда царя Петра — Михаила Федоровича. Умом то он понимает намерения царя, не век же Московии сидеть взаперти от Европы, но аллюр, которым царь подгонял царство, был слишком лих для стареющего князя. Вот и нынче надобно писать донесение царю Петру, отписать срочно, ибо вчера «...июня в 9 день пришел с моря к Архангельскому городу из английской земли его Великого Государя корабль» Ох, с этим королевским подарком надобно быть особо заботливым и аккуратным — царь и так крутенок, а уж тут чуть профукаешься — пощады не жди. Не то чтоб воеводе было в диковинку принимать иноземные корабли, но тут случай особый — надо принять на довольствие и суда и людей, а их прибыло немало — не одна сотня. И среди них и знатные особы. Правда и то сказать иноземцы были люди в чем-то требовательны (у них свои обычаи жизненные), но форсу было поменее чем у многих своих дворян да бояр. И докладывает воевода Лыков царю: «а на том корабле капитан Вильям Рипли, поручик (лейтенант) Ян Косен, служилых и начальных людей разного чина иноземцев 110 человек», и сообщает о вооружении: «наряду 20 пищалей медных». И предстояло этим иноземцам начать новую жизнь в этой неизвестной Московии — но денежки посулили знатные и многие остались в Петровском царстве навсегда и дали начало многим русским дворянским фамилиям. Но вот самой *Transport Royal* и его капитану Рипли повезло меньше. Всего через год, находясь по делу

в Москве он погиб при неясных обстоятельствах. Тело его было найдено в Яузе — он был в одежде и в сапогах. На затылке и запястье были видны травмы. Что это было — результат несчастного случая или последствия нападения московских разбойников? Следствие так и не докопалось и одним «висяком» стало больше в Московской уголовной хронике самого конца XVII века.

А *Transport Royal*? Надо отдать должное, судьба не подарила ей красивых походов. На памяти только один, да и то он случился после немалого скандала — ловкие чиновники попросту раздели яхту, оставив то небольшое что украсть было нельзя. История не сохранила сведений тогда ли бронзовые пищали поставленные англичанами заменили чугунными Демидовскими пушками. Однако гнев царя был велик, и, хотя подозревали по крайней мере в ротозействе Франца Тиммермана досталось от монарха прежде всего воеводе Ржевскому, сменившему помершего Лопухина. Но судно, тем не менее передали на попечение Елизария Избранта, видимо царь счел его человеком надежным. Как бы то ни было, но к тайному походу летом 1702 года яхта была готова и приняла в нем самое живое участие.

5 августа 1702 года эскадра, в которую вошли более десятка судов с войсками на борту вышла из устья Северной Двины к Соловецкому архипелагу и далее к Вардегорскому мысу. В петровскую флотилию входило четыре отечественных и шесть зафрахтованных иностранных купеческих судов. Можно с уверенностью утверждать, что среди русских кораблей были государева яхта «Святой Петр» постройки 1693 года, малые фрегаты «Сошествия Святого Духа» и «Курьер» (другие названия «Меркуриус» и «Ско-

рый гонец»), только что спущенные в Северную Двину, а также царская яхта «Transport Royal». Петр с 13-летним царевичем Алексеем Петровичем и свитой во главе с непременным Меншиковым, расположился на флагманской яхте «Transport Royal». По сообщению участника экспедиции, голландского резидента Фан дер Гульста пятисуточный путь до Соловецкого монастыря, был «под парусами...посреди множества подводных камней... трудный и опасный». Однако корабль «Transport Royal», несколько лет стоявший «на приколе» в Соломбале, прекрасно себя показал в морском походе. Вплоть до 16 августа, пока флотилия стояла у Заяцкого острова Соловецкого архипелага, Петр неизменно возвращался ночевать на любимую яхту.

Много чего повидала «Transport Royal» на своем веку — пытались ее даже волоком перетащить на Волгу, а оттуда в Азов, благо царь задумал прорыть канал, который двести пятьдесят лет спустя потомки назовут Волго-Донном и построят-таки как всегда руками рабов, именуемых в ту пору зеками.

Вот только морских походов выпало на ее долю немного. Впрочем, российскому флоту она и на приколе послужила знатно: сняли с нее чертежи и по образу и подобию английской красавицы построили немало фрегатов. И не только малоразмерных как «Transport Royal», но и поболее. Строили и в Соломбале и после в Воронеже. Так что судно сие по праву можно назвать аглицким «отцом» русского парусного флота.

А «отец» и вправду была немолод — двадцать лет для деревянного судна даже в холодных северных водах срок предельный. Однако яхта держалась молодцом и собиралась в дальний военный поход вокруг Скандинавии

на Балтику. Предполагалось что она прибудет в Петербург к своему хозяину после похода.

Эскадра состояла из четырех новых линейных кораблей «Уриил», «Ягудиил», «Варахаил» и «Селафаил», названных в честь архангелов. Вместе с этими внуками отправилась и наша старушка под командованием капитана Хутчисона. Под командованием адмирала Синявина эскадра вышла в поход в начале августа. Неприятности не заставили себя ждать, осень выдалась скверная — штормило почти все время. Давший течь «Ягудиил» был отправлен назад, но избежать потери не удалось. Судно не добралось до родного берега, потеряла многих моряков (смыло за борт и просто умерло от холодов) и в конце концов вмерзло в лед у норвежского берега недалеко от Тронхейма. А море продолжало трепать русскую эскадру. «Селафаил», ведомый опытным, но еще не знаменитым Витусом Берингом, вместе с «Уриилом» еле пробилась к Копенгагену, где и зазимовали потрепанные и с большими потерями в экипаже. «Варахаил» прошел еще меньше и истерзанный Северным морем зимовал в норвежском Флеккефиорде.

А что же случилось с царской яхтой? Ей досталось хуже всего. Последним видел ее в бушующем море именно Беринг. Уже в Копенгагене он докладывал русскому послу князю Долгорукому: «...Я... близ Зунда... видел Транспорт, который отправлен же был от города Архангельского и за противностию великого ветра с тем Транспортном разлучились же».

Вышло же, что яхта прошла больше своих собратьев по эскадре, но шла она к своей гибели уже во вражеских шведских водах. Беда случилась в первых числах октября

1715 года недалеко от Гетеборга возле острова Марстранд. Команда капитана Хутчисона видимо сражалась с Балтикой до последнего, но море было мелким, изобиловало подводными скалами, а шторм бросал яхту как скорлупку и крушил ее о скалы.

Двум десяткам моряков во главе с капитаном удалось выбраться еле живыми на берег острова. А там, там они попали в плен к шведам. Времена были жестокие, никаких тебе женевский конвенций — все уцелевшие были заключены в Марстрандскую крепость. Неудивительно, что все они, а многие были ранены и больны, не пережили зимы — умерли в плену от болезней голода и холода. Так печально закончилась история «Transport Royal».

Вот он остров Маарстранд — виден справа по борту. Октябрь месяц — погода великолепная — солнышко, на море легкая зыбь, ветерок правда есть, но вполне ласковый. Трудно поверить, что именно тут все это было: яхту с поломанными мачтами и сорванными парусами безжалостная Балтика била и корежила на камнях, как зубья торчавших среди кипения волн. А прошло всего каких-нибудь триста лет, причем ровно триста, разница будет может быть только в днях.

Наша белоснежная пластиковая посуда по длине всего в два с лишним раза короче петровской яхты. Экипаж у нас небольшой: Леша Михайлов начальник экспедиции, два шведских водолаза Ян Фредриксен и Расмус

Равенсберг, еще два члена экспедиции Володя Михайлов и Олег Печерский да автор этих строк. Водолазы с Алексеем идут в море не первый раз, но сегодня они должны обследовать новый участок. Он кажется предпочтительней. Впрочем, так в подводной археологии частенько бывает — гипотез порядочно, и они отпадают одна за другой, пока... Вот этого пока мы все и ждем с нетерпением, хотя по серьезным бесстрастным лицам наших скандинавов этого не скажешь. Мне подобное знакомо еще с поисков Челюскина, где тоже была парочка шведов, таких же невозмутимых. Кстати один из них в курсе наших нынешних поисков и возможно в будущем присоединится к нам.

А пока участок за участком — водолазы уходят под воду, но результатов нет. А волны и ветер крепчает, нашу ладью серьезно колотит по зыби, снимать становится все трудней, при одном, особенно мощном подскоке получаю удар по тому на чем сидят, боль пронзает позвоночник, сказались старые травмы и неудачное лечение в прошлом году — меня растягивали после чего пару месяцев ходил с костылем. А главное годы — неумолимые и немалые, восьмой десяток на исходе, как ту не позавидовать молодым спутникам.

Мы проходим мимо маленького островка — на нем только маяк и рыбацкий домик возле небольшой бухточки. На него высаживают меня — отойти от морского удара. Усаживаюсь на странную конструкцию у домика рыбаков, напоминающую трибуну возле флагштока в пионерском лагере моего детства и прекрасном фильме Элема Климова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен».

Часа через полтора наши возвращаются — результата по-прежнему нет. Но уныния тоже нет — капля

как известно, долбит камень не силой, но частым падением. В гостиницу и спать. Завтра будет день, будет новый поиск.

Утро в гостинице начинается с завтрака — какая же Швеция без шведского стола. Я принял решение — сегодня в море не иду — неудобно заставлять ребят возиться с собой, а я явно не в форме. Молодежь уезжает в порт, а я направляюсь в номер полежать немного еще благо у нас оплачено до полудня. Полежал, вроде полегчало. Спускаюсь вниз — решил поглядеть на Швецию, а то кроме моря ничего не видел. Завтрак пока не кончен, успеваю перед закрытием еще раз отдать должное шведскому столу чтоб не заморачиваться днем с обедом. Вещи в камеру хранения, девушка портье вызывает мне такси.

На очень ломанном английском объясняю таксисту что мне нужен кафедральный собор банк где можно получить кроны по карте. Водитель попался сообразительный — десять минут, и я у банкомата рядом с собором. Не буду подробно описывать свою неспешную прогулку по Гетеборгу, спина все же побаливала. Я побывал в краеведческом (говоря по-русски) музее, прошелся вдоль набережной реки, зашел в большой торговый центр, мне нужны были марки отправить открытки с видом города, а почтовых отделений я не нашел. Марки продавались в отделе фруктов и соков, спасибо русскоязычный продавец в отделе сувениров подсказал. Отправил открытки благо нашел почтовый ящик и медленно побрел обратно к собору новым путем по двум другим сторонам прямоугольника. Вообще про город могу сказать — нет полного ощущения, что ты в Европе. На улицах полно и черных, и желтых, и всяких. Арабы, которых узнал по разговору,

африканцы и разнообразные выходцы из юго-восточной Азии. Правда на улицах все выглядело мирно, но как теперь ясно из газет и интернета уже тогда в Швеции случались акты эмигрантского вандализма и хулиганства. Милый сюрприз ожидал меня у собора. Возле входных дверей сидел нищий, которого я не видел, когда в начале посетил собор. Вид у него был весьма бомжеватый, а рядом с ним стояла... православная иконка. Видит бог, я не решился заговорить с ним по-русски — он вызвал у меня чувство брезгливости, было в нем что-то неприятное и нагло фальшивое.

У собора я уже сел на трамвай, ибо денежки у меня были, однако случился забавный реприманд. В Гетеборге нужно покупать проездную карту на несколько, видимо поездок. Но водитель их не продает, как я понял, обратиться к нему за билетом. Как не неудобно было мне старому ехать зайцем, но поехал по добродушному разрешению водителя. На месте в гостинице в университетском районе я бы как обещал нашим в 17:00. Но их не было.

Уселся ждать в холле. Ждать пришлось долго — за это время официант из буфета принес мне две порции кофе и одну чая. Наконец, в полвосьмого я позвонил Алексею на мобильник и услышал, что они уже в порту и выезжают в гостиницу. Они приехали вдрызг уставшие, но по довольным физиономиям я понял, что пропустил самое интересное — останки яхты найдены.

Потом был поздний авто бросок прямо на Стокгольм, из-за позднего времени мы не успевали добраться на пароход экспедиции стоящий в Грислхамене.

Переночевали, отдали должное шведскому столу, легкая прогулка по шведской столице — город сказочно

красив, по крайней мере его центральная часть: королевский замок, здание парламента, куда можно свободно попасть в определенные часы. Сразу вспомнился Охотный ряд и серое здание Думы, с суровыми российскими полицейскими.

А нас уже ждут в морском музее — шведские специалисты хотят знать о наших успехах, хотя в основном речь идет о другом объекте найденном нашими же ребятами, о русской подводной лодке «Сом», погибшей от столкновения со шведским пароходом сто лет назад в первую мировую войну, Случай достаточно темный: были ли это просчет русских моряков или шведы, которые при своем нейтралитете ухитрялись зарабатывать поставляя Германии запрещенные международным правом стратегические товары, например железную руду, опасались инспекции русских моряков и просто протаранили «Сому», до сих пор неясно. Однако без шведов решить вопросы подъема лодки, лежащей в их территориальных водах, решить нельзя.

После непростых переговоров приятно было посмотреть достопримечательность шведской столицы — музей старинного парусника «Ваза». Этот огромный по своему времени боевой корабль постарше нашей яхты лет на семьдесят, и история его еще более трагична. «Ваза» затонула на первом выходе из стокгольмской гавани, опрокинулась и затонула. Причина проста — человеческое тщеславие, в нашем случае королевское. Король замучил строителя корабля Хенрика Хюбертссона своими возрастающими претензии. Строитель сопротивлялся как мог. Но после его неожиданной смерти дело перешло к судостроителю верфи Блазиенхольмен Хайну Якобссону. Он

согласился со многими доделками, которые перетяжелили судно и ухудшили устойчивость. Результат был как видите печален — сильный порыв ветра накренил судно так сильно что вода хлынула в пушечные порты. Сумасбродство царственных особ до добра не доводит, этот тезис не утратил своей актуальности и в наши дни.

Полвека назад шведы решили поднять судно и соорудили для него специальный павильон в шесть этажей по которым курсируют лифты и посетителям удобно рассматривать детали гигантского корабля. Помещенный в закрытое пространство он кажется просто огромным, хотя по размерам не больше обычной пятиподъездной хрущевской пятиэтажки. Впечатление на нас «Ваза» произвела невероятное: все отреставрировано, а утраченное исполнено с высочайшей достоверностью. Например, обрывки парусов закатаны в пластик и демонстрируются в отдельных витринах. Надписи на всех этажах уровнях сделаны на многих языках, в том числе и на русском. В общем, организовано все на высшем уровне, сделано все для того чтоб люди могли проникнуться уважением к памяти предков, сумевших сотворить вручную это чудо инженерной мысли. А короли, что короли, они приходят и уходят, а разум и опыт лучших представителей рода человеческого остается.

С сожалением прощаемся с «Вазой», и вот уже Володя и Олег везут нашу троицу в аэропорт. Прогулка по дьюти-фри и через три часа Шереметьево. Мы в Москве и не с пустыми руками, мы прикоснулись к отцу российского флота.

Так что же нашли и что делать дальше? Анализы кусочка древесины, проведенные после показали, что древе-

сине действительно порядка трехсот лет. Гвозди опознали по фото в Англии, как и следовало ожидать, тоже того же возраста, причем как английские, так и русские, ведь за почти двадцать лет яхту не раз латали русские мастера. Ну и кирпич, найденный по клейму тоже старинный — скорей всего из таких в России сложили печку для обогрева кают или кубрика. Все образцы пришлось вернуть на место откуда взяли из-под воды. А где же более крупные металлические артефакты и в первую очередь демидовские пушки? С ними сложнее, в архивах обнаружено распоряжение шведского морского начальства искать пушки, уж не знаю, как. Глубины там небольшие — можно просто тралить кошками. Но вот отчета о выполнении распоряжения не обнаружено и потому неясно увенчались ли те поиски успехом. Но хочется надеяться, что если и подняли шведы эти пушки, то не все. А это значит, что обязательно мы их найдем и поднимем, чтоб не только в документах, а в экспозиции морских музеев хранилась память о красавице яхте — любимой ласточке царя Петра.

Москва, Россия

**Борис
ОРЛОВ**

ОСЕННИЙ ПЕТЕРБУРГ

Слепым дождем прибило в парке пыль,
Кольшутся аллеи в дымке зыбкой.
Парит над Петропавловкою шпиль —
Божественный смычок над красной скрипкой.

И отраженья кораблей царя
Хранит Нева, прижавшись к парапетам.
Намыло листьев, словно янтаря,
На влажных берегах балтийским ветром.

Перемешалось все: и цвет, и звук,
И бесконечной кажется прогулка.
Осенне-золотистый Петербург
Поет, как музыкальная шкатулка.

Кронштадт, Россия

**Владимир
ЛЕОНОВ**

ЗИМНИЙ ПИТЕР

Над городом зима:
Спят до весны мосты,
Продрогшие дома,
Застывшие кусты.

Полуметровый лед
Заворожил Неву.
Заоблачный полет
Причудился ему.

На письменах оград
Застыла седина.
Встает, как на парад,
Морозная стена.

Заужены дворы —
Сугробы дремлют в них.
Все стихло до поры,
До лучших дней своих.

Санкт-Петербург, Россия

**Лариса
НОСОВА**

ПЕТЕРГОФ

Кто не был в Петергофе, тот
Не видел красоты. Фонтаны
Роскошные — воды полет,
Дворцы, аллеи и тюльпаны —
Петра Великого любовь —
Невероятны. Монплезира
Прелестный облик вновь и вновь
Притягивает: из зефира
Построен будто бы дворец
Изящный и воздушный, сила
При этом в нем, судьбы венец
Оставлен там царем, что чтит
И будет чтить держава — он
Орлом был, император. Парков
Блистательность в трехвековом
Ансамбле, широте подарков
Природы, гениев Руси
Заслугам и искусству мира
Благодаря, в сапфиры дни
Раскрасить может и эмира,
И короля, и всех людей,

На время ставших ближе к свету
От созерцания затей,
Могучей личности планеты
Что отражают. Водовод
Фонтанов уникален, чудо
Дум инженерных и восход
Наук, гидравлики причуда:
Водонапорных нет совсем
Сооружений; солнцу вторя,
Сияет миф — шедевр эмблем
«Нептун», он пресные и моря
Ресурсы водные дворцам,
Фонтанам, водопадам словно
Дарует, силовым щитам
Подобно охраняет лоно
Земли цветущей и мечты:
Александрия и каскады,
Марли и Верхний сад — бессмертны,
Всегда здесь будут петь цикады.

Хабаровск, Россия

**Валентина
РАЙМЕР**

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И НЕМЦЫ

Вера приехала в Германию по приглашению дочери, которая уже несколько лет была замужем за берлинцем. В кругу новых знакомых из среды российских переселенцев Вера наиболее тесно общалась с Эммой. Та пригласила ее на «посиделки» русскоязычных немцев в один из интеграционных обществ под названием «В гостях у Эллы». Там посетительницы приобщались к германской культуре и истории страны. Элла — одна из руководительниц общества, российская немка, очень интересно рассказывала об исторических личностях Германии, организовывала экскурсии по привлекательным местам страны. Вере не удалось в отведенные ей 3 месяца пребывания в Берлине побывать на экскурсиях. Но зато она вполне насытилась познаниями по истории Германии. И часто при обсуждении той или иной темы после посиделок спорила с Эммой и ее другом Алексом по тому или другому вопросу.

Как-то троица заспорила о том, что Россия многому в своем развитии обязана немцам, в частности, проживающим со времен Петра I в России. Алекс сказал, что у России, вообще, нет своей истории. Эмма заговорила о немках-управительницах России:

— Ты же знаешь...

Вера, не дав ей договорить, с жаром начала:

— Да. Конечно! Екатерина Первая...

— Да ладно! Я хорошо помню все по кинофильму с Аллой Тарасовой. Можешь не рассказывать.

— Нет, послушай! — возмущилась Вера, — Екатерина I — это Марта Скавронская, наложница Петра I. Немка она или нет, — спорно! После смерти Петра стала императрицей России, подкупив гвардейских офицеров и имея в сторонниках Александра Меншикова. Ее царствование продлилось недолго. Была она лишь слабой тенью великого преобразователя. Россией правил Меншиков, а за ним — Остерман, хитрый интриган. Но... Немец! — Вера сделала ударение на слове немец. — Потом была Анна Иоанновна, племянница Петра I.

— Ну, баста! Вот что я тебе посоветую: ты подготовься, и мы попросим нашу Эллу, чтобы она разрешила тебе прочитать твою историю о царицах с немецкими корнями на занятиях у Эллы. — Решила поставить точку в споре Эмма. Алекс утвердительно кивнул.

— Ой! Что ты? Разве я смогу?

— Сможешь!

И Вера начала готовить конспект предполагаемого сообщения на мероприятии «В гостях у Эллы».

Она ознакомилась с подручным материалом, который выискала в книжных шкафах квартиры ее дочери, начиная со времени: «Когда Россия молодая, / В бореньях силы набирая, / Мужала с гением Петра». Перечитала книгу Алексея Толстого. Вспомнила кое-что из истории средней школы и ярких кинофильмов о посещениях Петром Европы. Вычитала у одного из основоположников

русской исторической мысли Костомарова о походах армий Петра I на Азов, Астрахань, об улаживании отношений с Турцией, Ираном (Персией) и даже с Поднебесной империей, пойдя на некоторые уступки с коей, с целью уберечь свое население Дальнего востока.

Но именно при Петре Великом открылись широкие возможности торговли с Европой по Балтике, когда столицей стал построенный на Неве город. Россия добилась отказа Османской империи и Ирана от влияния на Прикаспий и частично на Кавказ. Петр I наметил заселение этих земель лояльными к России людьми.

Сам он лично принимал участие в боевых действиях своей армии: при Нарве — под именем капитана бомбардирской роты Петра Михайлова; в Полтавской битве — рядовым. Лично предотвратил захват областей ослабшей Персии могущественной по тем временам Турцией.

Начиная с 1721-го года, Россия стала называться империей. И ею три четверти века с небольшими перерывами правили женщины.

Вера в своих конспектах остановилась на непутевой взбалмошной царице Анне Иоанновне, так как именно с нее присутствие немцев в управлении Российским государством особенно ощущалось.

Петр. Первый никогда не оставлял племянницу без внимания. Он приставил к ней гувернера и учителя немецкого языка Остермана. Обстановка в доме была праздная. Ее мать любила русскую старину. Их окружали юродивые, калеки, нищие. При наездах Петра к ним в Измайлово всю эту камарилью прятали. Петр огорчился слабыми успехами племянницы в науках. Он хотел своих племянниц, — а

их кроме Анны было еще несколько, — выдать всех выгодно замуж за европейских монарших женихов.

17-летнюю Анну сосватали за Курляндского герцога Фридриха-Вильгельма, племянника прусского короля.

Два месяца веселились молодые под гостелюбивым и зорким глазом дяди. Но молодой супруг не привык к пышным застольям-пирам, и при прибытии в свою резиденцию в Курляндию (южнее реки Даугавы) умер.

Петр неустанно следил за тем, чтобы Анна оставалась в Курляндии, окруженная выходцами из Германии. Тот же час отправлял ее, когда она осмеливалась появляться в Петербурге или Измайлове. Эта ссылка нужна была ему, чтобы курляндский сейм выделил вдове Анне части курляндских имений. Анна оказалась разменной монетой в политических делах Петра I, Екатерины I и даже Петра II, спешивших решить проблему Курляндии. Анне же оставались краткие любовные утехы и винопитие. Она, по тем понятиям, была мало привлекательна: толстая и некрасивая.

В январе 1730 года скончался император Петр II. И чтобы не отдать власть дочерям «ублюдкам Петра I» от прачки Марты Скавронской, (Екатерины I) сановитые Голицыны и Долгорукие, преследуя только личные интересы, возвели в монархи Анну Ивановну (Иоанновну). О неограниченной власти мечтали возведшие ее на трон, не давая императрице никаких прав согласно сочиненной ими «Кондиции».

Почему Вера так увлеклась историей России? Она исподволь хотела противопоставить что-то чему-то. Бессознательно. Как говорят: «За Державу обидно!» Ей хотелось выговориться. Где и как? И она конспектировала, в

уме проговаривая написанное и прочитанное. А когда разговаривала с Эммой, то получалась лекция. Эмме скоро это надоедало. Та и сама желала видеть слушателей или хотя бы слушательницу...

Вера замкнулась и продолжала разговор сама с собой. Написала в своих конспектах: Почему женщины правили Россией три четверти века (Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина II)?

«Государственники-мужчины надеялись, что поступали гениально, допустив женщину к престолу.

Во время женского правления было много шансов из безродного стать сановным. Надежда на сказку при женщине становилась явной.

Женское непостоянство, увлеченность, фаворитизм, тяга к эффектам, беспшабашность, некомпетентность в военных делах, в вопросах управления страной нравились мужчинам, стоящим у подножья престола.

Смена фаворитов освежала обстановку не только во дворце, но и в стране (своего рода демократизация).

У женщин смена правящей команды получалась элегантно, красиво, почти бескровно. Опала по-женски — это не опала по Ивану Грозному.

В случае с Анной Иоанновной ее окружили иностранцы, они подвинули русских государственников. Наступила известная всем «Бироновщина». Начались гонения, ссылки, казни «врагов». Конечно же, с ее согласия. Но было это все-таки «по-европейски», мягче. И гнев страны чужестранцы приняли на себя, спасая русскую знать от народной ненависти. В то же время честные полководцы из иноземцев не затмили собой доблесть русских солдат. Анна Иоанновна, став императрицей, предава-

лась утехам еще с большей яростью. Теперь у нее было не какое-то герцогство, а огромная империя. Деньги тратились с бешеной скоростью. Вспомнились детские забавы с карликами, кликушами, гадалщицами, сплетницами, шутихами. Императрица любила пострелять по воронам и птицам прямо из окон. Скачки, лошади. Все это описано в романе Лажечникова «Ледяной дом», отражено в современной кинокартине Светланы Дружининой при участии Инны Чуриковой и Лазарева-младшего.

Елизавета Петровна, одна из двух дочерей Петра I и прачки Марты Скавронской, хотя и, в конце концов, состоящей в официальном браке с 1711 года с императором, коронованной за год до его смерти и царствующей два года, для русской знати оставалась простолюдинкой. Елизавета родилась до заключения царственного брака, в результате незаконной страсти-похоти одного из величайших правителей России. И Елизавета знала это хорошо! Жизнь ее при внешней веселости, беспечности, фееричности натуры не была счастливой. Законные женихи не становились мужьями по роковым случайностям. Родилась она сразу после победной Полтавской битвы над шведами. Рождение было широко отпраздновано, даже шведские пленники были обласканы Петром I. Он мечтал выдать дочь за малолетнего будущего короля Людовика XV. Корни монархов Европы уходили в глубокую древность, а тут — мать безродная, к тому же незаконно рожденная, прачка, хотя и императрица Екатерина I, правящая некоторое время с таким же беспородным Меншиковым! После смертей Петра I и потом Екатерины I Елизавета была совершеннолетней. А на царство поставили Анну, дочь родного брата Петра I, Ивана V Алексееви-

ча, царского рода-племени по рождению, очень слабого здоровьем.

Исторически это был период, когда в среде российской знати и, в целом в стране, люди устали от крутых преобразований Петра. Не всем хотелось жить по петровым меркам. Похоже, Елизавета отказалась от борьбы за престол сознательно, видя жестокую борьбу за царство, подогреваемую поляками, французами, англичанами (по источникам труда А. Г. Брикнера о Екатерине II, 2007 года). Была царевна веселой, беззаботной. Участвовала в балах, маскарадах, торжествах. Образованная, умная, красивая, она легко и непринужденно общалась с людьми из народа. Ее любовником стал украинский пастух Алеша Розум (отбила его у фрейлины Нарышкиной). Жила то в селе Покровском, где пела песни с крестьянскими девушками, то в Александровской слободе занималась соколиной охотой, принимала крестьянских детей при крещении из купели, — память о ней в народе была, как об очень простой и доступной дочери Великого Петра. Она в течение 10 лет не давала повода заподозрить ее в стремлении к власти.

В ноябре 1741 года, свергнув регентство Бирона над младенцем-царем Иваном VI от племянницы Анны Иоанновны, Елизавета Петровна стала императрицей. Страна вспомнила вновь о Петре I и его реформах, видя в дочери продолжение начатого им. Не случайно опять была выбрана женщина. Ей легко было внушить передовые идеи времени: нужна была демократизация страны. И под женским руководством нужные реформы проводить было проще. Елизавета тайно обвенчалась с Алексеем Разумовским. Из пастуха и певуна вырос влиятельный вельможа: скромный, умный, не завистливый, ладивший со всеми.

За эти почти 17 послепетровских лет Россия скорректировала свое движение по дорогам истории, приготовилась в экономическом и военном отношении к новому рынку».

В планах Интеграционного сообщества российских немцев «В гостях у Эллы» были запрограммированы беседы на два месяца вперед: «О Моцарте» и «Короле Фридрихе Великом». Поэтому Верино выступление, как дополнение к беседе самой Эллы было отложено на другую дату.

Неожиданно Эмма пригласила Веру в Русский Дом.

Там отмечалось 300-летие всемирно известного русского ученого Михаила Ломоносова. В Германии считают, что старт к его открытиям дали именно они, так как он около пяти лет учился в немецких университетах. Звезда Великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова засияла при Елизавете. Он был бы настоящим реформатором российской экономики. Первый русский ученый-естествоиспытатель мирового значения, поэт, художник, историк, поборник отечественного просвещения, развития отечественной науки, преобразователь культуры и хозяйствования, он один подвинул бы Россию на 100 лет вперед. Но в действительности ему приходилось реализовывать некоторые из своих идей только через понятливых русских фаворитов императриц, да независимых от капризов двора последователей ученого. Императрица Елизавета хороша тем, что не мешала своим мужчинам в их делах. Казна богатела. Россия находилась на подъеме. Государственный механизм работал исправно.

В военном отношении отмечается превосходство русской армии над другими. В семилетней войне с Пруссией проявили себя генералы Апраксин, Румянцев, Салтыков.

Реформированная армия доказала это. В 1760 году русские вошли в Берлин. Пруссия вместе с королем Фридрихом II была поставлена на колени. Но Россия не смогла воспользоваться этим. Елизавета умерла. Петр III вывел Россию из войны. Началась новая страница русской истории.

Вере и Эмме удалось при очередных посиделках обмолвиться о вновь приобретенных знаниях о своем соотечественнике, тем более, что они заинтриговали слушателей тем, что женой у Ломоносова была немка.

Вера договорилась с Эллой включить свои мысли в сообщение той о Екатерине Великой.

На очередном занятии Элла начала с того, что Екатерина родилась в 1729 году в Штеттине (в настоящее время польский горд) в семье генерал-майора Прусской армии. Прожила почти до 15 лет с родителями в княжестве дяди в Цербсте, в 100 км от Берлина, и ее мать приходилась двоюродной теткой будущему императору Петру III. На этом и заканчивалось ее родство с императорской династией России.

Остановиться Элла не могла, не замечая поднятой руки Веры, и продолжала: «Много читающая, любопытствующая, знавшая влияние фавориток на французских королей, кое-что о преобразованиях Петра I, будущая Екатерина с детства мечтала о российском престоле. В 1744 году ее 15-летнюю вместе с матерью вызвала в Петербург Елизавета Петровна. Познакомила с наследником Петром III. София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская быстро сообразила, для чего. Претенденток на замужество с наследником было немало. Изо всех сил постаралась понравиться русской императрице. Приняла православие, ста-

ла называться Екатериной Алексеевной, упорно училась русскому языку. В 1745 году ее обвенчали с взбалмошным наследником. Любви быть не могло. Баловалась она поначалу с иностранцами (например: с поляком Понятовским, с английским послом Вильямсом), за что чуть ли не была отправлена обратно в Германию.

Но сумела выпросить милости у Елизаветы. Далее была более осмотрительна. Родила сына Павла, которого тут же у нее отняли. Императрица Елизавета пыталась воспитать его русским.

25 декабря (по старому стилю) 1761 года Елизавета умерла. Петр III, поклонник Фридриха II, вывел Россию из семилетней войны, несмотря на успехи русской армии. Собираясь развестись с Екатериной, у него была связь с Воронцовой. Гвардию не устраивал он никоим образом.

Любовник Екатерины Григорий Орлов (от которого у них был сын, родившийся вскоре после смерти Елизаветы, Алеша Бобринский) и брат Григория убедили Екатерину совершить переворот.

«Ногой вступая на престол, / Корону царскую надела / И порешила: час пришел, / Дела Петровские доделать. / Умом Россию понимая, / И пересудов не боясь, / Екатерина молодая / В тяжелое ярмо вплелась. / Страны расширила границы. / И чтобы земли заселить, / Взрастить сады, поля пшеницы, / Велела немцев пригласить. / И зацвели поля пустые. / И реки дали свой улов. / Там, где леса росли густые, / Нашли трудяги хлеб и кров...»

Дальше удалось сказать свое слово и Вере. Она положила перед собой конспект и стала сбивчиво говорить:

— Екатерина II пришла на подготовленную почву. Прорыв, сделанный Петром I, приносил свои плоды. Вре-

менный откат, или своего рода передышка от реформ Петра I при Анне Иоанновне закончилась еще при Елизавете.

Ускорение процесса вхождения в мировую политику и экономику более активно, чем ранее, происходило именно при Екатерине II, которая благодаря усилению фаворитизма давала возможность проявить себя передовым людям России (Григорий Орлов, Васильчиков, Григорий Потемкин, Заводовский, Зорич, Корсаков, Ланской, Ермолов, Мамонов, Зубов). Все они, находясь в близких отношениях с правительницей, на своих государственных постах приносили пользу государству. И после любовного охлаждения к ним государыня щедро благодарила их и не отлучала их от двора. Военная элита: Румянцев, Суворов, Ушаков тоже были вознаграждены по заслугам. Но вот Михайло Ломоносов... Его называли Петром I в науке и экономике, он дал проекты на сотни лет вперед. Это и развитие металлургии, и освоение Сибири, так же возвращение своих национальных кадров, забота о народонаселении, борьба с дурными привычками: алкоголизмом, антисанитарией. Он не был обласкан императрицей.

Екатерина II, по некоторым слухам, боялась, что ее узурпаторство власти может быть оспорено якобы незаконно рожденным от Петра I Михаилом Ломоносовым — версия, существовавшая хотя бы потому, что Екатерина всячески тормозила проекты ученого. И после его смерти она опечатала все бумаги в доме, сама, пытаясь в них разобраться. Слухи о происхождении Ломоносова от Петра Великого волновали императрицу не меньше, чем возникновение лжецарей с именем Петра III.

Ее заигрывания с европейскими мыслителями Руссо и Вольтером, попытки писать «наказы», даже пьесы для

императорского театра и потуги написания исторических очерков — «просто пробы пера», ничего значимого в них последующие поколения для себя не нашли. Она выполняла все работы, обычные для правящего самодержца. И все же ее назвали Великой! Почему?

В чем же ценность женского правления течение 3/4 века после Петра I? Они, женщины-императрицы, говоря современным языком, адаптировали необходимые, но не сразу принятые необходимые реформы Петра I для продолжения существования России как государства, встроив Россию в Европейскую систему тогдашних ценностей.

В западной Европе тоже существовал фаворитизм, но женский фаворитизм в России был ей на пользу. Он давал активному мужскому началу простор для прогресса.

Век России, т. е. Петра I, закончился не со смертью Екатерины II, а с блистательными победами русских во главе с Александром Васильевичем Суворовым в Итальянском походе и с подвигами русских моряков с Федором Федоровичем Ушаковым в Средиземноморских баталиях.

Петр I и первый русский академик Михаил Ломоносов дали такое ускорение во всех направлениях, которого хватило вплоть до смерти Екатерины Великой. Военные победы, освоение новых земель (в отличие от государств Западной Европы, имеющих колонии по всему свету и выкачивающих оттуда баснословные прибыли), Россия налаживала сельскохозяйственную жизнь на своих территориях, строила заводы, города, открывала рудники полезных ископаемых. Рос ее международный авторитет, культура и промышленность.

Вера старалась обо всем этом говорить своими словами, изредка заглядывая в конспект. Ей хотелось убедить своих слушателей в том, что в России соблюдалась преемственность государственной линии сохранять единство народа, подчиненного Вседержителю, начиная с Петра I, что законы вырабатывались и утверждались, не противореча ранее изданным для установления всеобщего порядка в стране, существование которой длилось не одну сотню лет. Она торопливо стала читать из своей тетрадки «Структурное устройство государства», написанное Петром I: «Самодержец-император и его права:

1) вопрос о наследовании престола, вне зависимости от принадлежности к царскому роду (1722 год),

2) дарование дворянского (лишение) титула по своему усмотрению,

3) проверка заслуженности титула за предшествующие 100 лет, присвоение герба (начало развития геральдики под присмотром геральдмейстера).

Вся Россия была разделена на губернии и на уезды. Перевооружена армия.

Вся государственная служба подразделялась на:

а) воинскую,

б) статскую,

в) придворную.

В каждой по 14 ступеней (различные коллегии).

Воинская служба:

а) сухопутная, армейская, гвардейская, артиллерийская;

б) морская служба — адмиралтейство. Строительство судов, верфей, портов.

Статская служба:

- а) сенат во главе с канцлером и различные коллегии;
- б) генерал-прокурор с подчинением сенату.

У генпрокурора в услужение областные службы.

Придворная служба (также 14 ступеней статских советников.) Каждому сословию свой убор, ливрея, карета (для отличия). Жены назывались статс-дамами, по чину мужей, девицы — по чину отцов.

Были изданы указы для народа.

Указ о ремеслах. Заниматься ремеслами разрешалось даже крепостным. Ремесленники закреплялись за цехами, руководил цехом мастер. Он ставил клеймо на изделие, которое потом и продавалось. Иностранцы привлекались к ремеслам только после принятия православия.

Сельское сословие не получило никаких ступеней. Оно было закреплено за крепостниками и рассматривалось как работающая сила и материал для рекрутства в армию.

Вероисповеданием руководил синод. Церковь была починена государству. Священники следили за посещением людьми церковных служб. Установлены были кроме церковных праздников светские: Дни рождения царских особ, День Полтавской победы, и 1-е января, как начало каждого нового года, а не в сентябре (когда преследовалась цель увеличения срока сбора и складирования урожая).

Считая, что на Руси слишком много церквей, Государь приказал лишние упразднить. Велась борьба с раскольничеством, язычеством и суевериями на государственном уровне. Иноверцев, перешедших в православие, освобождали от воинской обязанности. Чтобы познакомить людей с лютеранством, кальвинизмом и другими

конфессиями, существовали переводы этих учений на русский язык.

Царь продолжал брить бороды. За желание ее иметь, приходилось платить 50 рублей. Полагалось носить при этом особое, соответствующее, платье.

Театром Петр не увлекался, любил гулянья и широкие празднования. Однако на Красной площади в 1702-1703 годах была открыта «комедийная хранина» на 500 человек.

Наукам Петр уделял большое внимание: университет, академия, церковно-приходские школы для населения, мореходные училища.

Для порядка в лесном хозяйстве были назначены вальдмейстеры. За не плановую порубку после предупредительных штрафов — 20 лет на галерах.

При Петре I была задумана перепись населения».

Хотя в эти пять минут чтения трудов царя Петра посетительницы посиделок «В гостях у Эллы» уже отвлекались, Вера все же гордилась своей работой: «Конечно, это школьный материал. Бывшие граждане России все это проходили в школе. Но, судя по всему, призабыли многое. И однако: поют же они здесь только русские песни на своих посиделках, поэтому им наверняка не безынтересно вспомнить историю страны, где они родились и прожили большую часть своей жизни».

Вера замечала, как с большим нетерпением пожилые слушательницы ожидали окончания бесед Эллы по истории Германии, гремели тарелками, шуршали свертками со снедью, намекая, что пора переходить к другой части мероприятия, в которой они весело предавались еде, пению и танцам.

Она и в этот раз с опаской оглядела всех присутствующих, — ее слушали!

На этом Вера закрыла свою тетрабочку, досказав, что Россия к написанию Петром этого трактата уже насчитывала почти восемь столетий своего существования, тогда как Германия объединилась только в 1871 году, т. е. почти через полтора века после государственных преобразований Петра I.

Берлин, Германия

Дмитрий СУСЛОПАРОВ

ДЕЯНИЯ ЦАРЯ ПЕТРА

1

Закат семнадцатого века
Кровавым заревом пылал,
Казалось, будто человека
О чем-то он предупреждал.
Но нам знамения природы,
Времен закаты иль восходы
Природой не дано читать,
Тем паче — их предугадать.
Годам года спешат на смену,
Из них слагаются века,
И жизни бурная река
Течет в моря, взбивая пену,
Брега окрестные точа,
Средь скал порога клокоча.

2

Россия с гением петровским
 Встряхнула вековечный сон,
 Лень с суеверием бесовским,
 Жестокость нравов, тьму времен.
 И, обратя к наукам разум,
 С великим скрипом и не сразу
 Наперекор судьбы ветрам
 К великим двинулась делам.
 Покуда царь был за границей,
 Учась наукам для страны,
 Адепты прежней старины
 Решили к оной возвратиться,
 Чтоб власть вернуть былую вновь,
 Подняли смуту средь стрельцов.

3

Петра в Италию уж ждали,
 Как прибыл из Москвы гонец
 С известием, что взбунтовались
 Полки стрелецкие вконец.
 И царь решил из-за границы
 В Россию спешно возвратиться
 С Лефортом и Головиным.
 Картины детства перед ним
 Все с той же живостью вставали.
 Стрельцов он видел пред собой

И слышал барабанный бой,
 Под кой в Кремль те врывались,
 Погром немалый учинив
 И многих в этот день убив.

4

Уже царь Петр по дороге
 Узнал, что Шеин и Гордон
 Стрельцов побили очень многих
 И бунт стрелецкий усмирен.
 Царь Петр прибыл ночью темной
 И под секретностью огромной,
 Ни до кого чтоб не дошло,
 В Преображенское село.
 А днем пришли бояре сами,
 Смотреть он гвардию ходил,
 Затем ее благодарил,
 За верность наградив деньгами.
 Как мрак расползся по земле,
 Он с сыном виделся в Кремле.

5

Мятеж стрелецкий, ураганом
 Пронесшись, сильно взволновал
 Столицу, кою сна туманом
 Морфей все время наполнял.

На смену тихой сладкой дреме
 И столь приятной всем истоме,
 Нарушив все законы сна,
 Кровавых следствий шла волна.
 За ней волна стрелецкой казни
 Неслась Москву собой залить.
 Царя старался укротить
 Лефорт, старанья ненапрасны
 Остались. Царь сослал стрельцов
 В Сибирь, в Архангельск и в Азов.

6

Как после буйства сил природы
 Вдруг посветлели небеса
 И сила волн, что шли в походы
 На брег, уж стала угасать,
 Так жизни ход среди дремоты
 И повседневные заботы,
 О коих с казнию стрельцов
 Народ забыл, вернулись вновь.
 Покончив с злейшими врагами,
 Неутомимый дух Петра
 (Дуть даже устают ветра)
 Был внутренними весь делами,
 Что накопились, поглощен,
 Но и о внешних помнил он.

7

Царь Петр вновь явил боярам
 Пример: холопов распустил
 И с денщиков одной лишь парой
 На улице встречаем был.
 Бояре, следуя примеру,
 Роптав в сердцах на эту меру,
 Лишавшую удобства их,
 Всех распустили дворовых.
 Боярской дремы зная чувство,
 Холопья жиром обросли,
 Теперь повсюду разбрелись
 И впали в бедность и распутство.
 Им царь прощенье обещал
 И к службе воинской призвал.

8

Холопов множество явилось,
 На службу шли со всех концов.
 Всех их за тридцать тысяч было,
 Что тридцать сделало полков.
 Полки дивизии три дали,
 Их под командованье взяли
 По ряду тех времен причин
 Князь Репнин, Вейд и Головин.
 Мундир пехоты был зеленый,
 Обшлагы оного красны,

Камзол был красным и штаны,
Но синим был мундир у конных,
Лишь он имел отличный цвет,
А в остальном отличий нет.

9

Дворянам роспись и боярам
Рассматривая, царь узрел,
Что те проводят время даром,
И всем служить им повелел.
Кого в полки служить отправил,
Кого для флота он оставил,
Послав в Воронеж и Азов,
Морской закон учить с азов,
Ведь те не знали раньше воду,
И наказал им, чтоб они
Своим достоинством чины,
Без ссылок на свою породу
Добыли. Стоит только тот,
Кто трудится и льет свой пот.

10

Тогда в России резидентом
От Швеции был Книпер-Крон,
Набора в армию моментом
Был сильно озабочен он,
Спросив об этом в сильной ноте.

Ему ответ был, что в пехоте
Нужда России встала вновь
По истреблению стрелцов.
Болезнь соратника и друга
Навила на царя печаль,
Лефорт столь быстро угасал
В больших и нестерпимых муках,
И с наступившею весной
Ушел друг верный в мир иной.

11

Так, море Черное сурово
Катило волны лечь к ногам
Завоевателя Азова,
То знак к великим был делам.
Но меж Россией и Европой
Была еще большая пропасть,
Султан дорогу преграждал,
И Петр взоры обращал
К Балтийскому все больше морю,
К залива Финского брегам,
К холодным северным волнам,
К земле Карельской и Ижорам,
Что в междуцарствия злой час
Отторгли силою от нас.

12

Обиды, коим подвергалось
 Посольство русское, Петру
 Казались явственным началом,
 Искрой к военному костру.
 Корона шведская прислала
 Меж тем послов и извещала
 Российский двор, что на престол
 Уж Карл двенадцатый вошел.
 И вместе с этим извещеньем
 Потребовал-то шведский двор,
 Чтоб подтвердили договор
 О вечном мире. Наступленье
 Его желал царь подтвердить
 По искуплению обид.

13

Министры так ответ держали,
 Что воля царская лежит,
 Чтоб договор сей подписали,
 Но путь препоною закрыт,
 Чинимой вовсе не Россией,
 Что за бесчестия былые
 Посольству русскому с тех пор
 Не извинился шведский двор,
 Да статский секретарь Возницын
 Ограблен и обижен был,

Когда чрез Ригу проходил
 Обратный путь из-за границы,
 Все тем же Дальбергом. Стоит
 Стена большая из обид.

14

Что с извинением посольства
 Великого царь Петр ждет,
 Что Дальбергово своевольство
 Теперь препону создает,
 И мир подписан быть не может,
 Но Швеция конец положит,
 Лишь Нарвой жертвуя одной
 С ее окрестною землей.
 И с грамотой и поздравленьем
 Нарочный в Швецию отбыл,
 Меж прочим Петр поручил
 Напоминать об извиненьи
 Своим министрам на словах
 Министрам их в иных дворах.

15

Лещинский был послом от Польши.
 Петра последний извещал,
 Что интерес у Свеи больше
 Не в мира области лежал,
 Что ищутся такие гири,

Чтоб с Турцией Россия в мире
 По истечению двух лет
 Не находилася. В ответ
 Царь Петр заключил союзы
 Сначала с датским королем,
 Затем и с польским, чтоб потом,
 Когда наляжет тяжким грузом
 Война с Перуновой трубой,
 Иметь план действий пред собой.

16

К сего союза исполненью
 Обязанность взял приступить
 Король датчан по замиренью
 России с Турцией. Гласит
 Другой союз России с Польшей,
 Чтоб приступить в году все том же
 В виду опасности извне
 Последней с шведами к войне
 В земле Эстляндской и Лифляндской
 С саксонским войском, чтоб оно
 Сражалось с Польшей заодно.
 Миг, в кой с Турцией султанской
 Подпишет мир Россия свой,
 Со Свеей сменится войной.

17

Пойдет тогда Петрово войско
 С Азова в край другой страны,
 К земле Карельской и Ижорской,
 К театру новому войны.
 Петров был гений многогранен
 И вместе с думами о брани
 Все надвигавшейся войны
 О пользе думал для страны.
 И учрежденье типографий
 Шло в этот предвоенный миг,
 На перевод латинских книг
 Царь толмачей своих направил,
 Наукам школы, языкам
 Им заводились тут и там.

18

Указ тогда же состоялся
 О брадобритии без слов,
 Но оный вовсе не касался
 Крестьян, монахов и попов.
 Но брадобритие не ново,
 Еще во время Годунова
 Уж поднимался сей вопрос
 О сбритии с лица волос.
 Царем решался Михаилом,
 Царь Алексей его решал,
 И каждый оный отлагал,

И ничего не выходило
 При столкновеньи с стариной,
 Ведущей со всем новым бой.

19

Указ тут вышел об одежде
 Из-под царя Петра пера,
 Указ сей издавал уж прежде
 Царь Федор, кровный брат Петра.
 Осьмнадцать лет минувших ране
 Царь Федор в кратком всем кафтане
 Являться в Кремль повелел,
 В ином войти никто не смел.
 С охабней сменой, однорядок
 И до браны дошла чреда,
 И посбривалась борода,
 Немалый вызвав беспорядок
 И брань служителей церквей,
 Эллинский вид клянущих сей.

20

Был вопль попов, что в образ данный
 От Бога входит борода,
 Что брадобрейцы вместе встанут
 Во врея Страшного Суда
 Не с праведными с бородами,
 А в ряд один с еретиками,

Страша сей карою народ
 За сбритие с лица бород.
 Пожар, гасимый так попами,
 Хоть искру ветру отдавал,
 И он ее перемещал,
 Чтоб снова возгорелся пламень
 В тьму освещающем костре,
 Пылавшем жарко при Петре.

21

Всем лицам мужеского пола
 Царь Петр повелел носить
 Поверх немецкого камзола
 Одежду Франции aussi*.
 Одежду женщины сменили,
 В немецких платьях все ходили,
 И брали пеню в воротах
 С ослушников, вселяя страх.
 Под наказаньем запретили
 Шить платье русское портным,
 Купцам вести торговлю им,
 Кнутом неслушающих били.
 С тех пор указы всем делам
 Подписывал царь Петр сам.

* aussi [osi] – *фр.* также.

22

Указов вышедших природа
 Известна всем уже была,
 О смене же начала года
 Весть в ужас всех людей ввела.
 Воистину – то было ново,
 Указом с Рождества Христова
 Вести счисление времен,
 Тогда был каждый потрясен.
 День первый осени считался
 Началом года, но царя
 Указ в день первый января
 Год начинать уже издался.
 И с новым годом на Москве
 Осьмнадцатый встречали век.

23

За нанесенные обиды,
 Возницын кои претерпел,
 Петром что были не забыты,
 Он Карлу объявить велел
 Войну чрез Хилкова. Марс масло
 На угли, где искра не гасла,
 Рукою щедрою налил.
 Огнь, вспыхнув, многих опалил.
 Конфузью потерпев под Нарвой,
 Урок усвоил ученик

И в Марсову науку вник,
 Узнав, насколько Марса яр вой.
 И вскоре Нотенбург Петром
 Был взят. Победы первой гром.

24

Петра был дух волнуем думой,
 О гавани морской мечтал,
 И посреди войны угрюмой
 Санкт-Петербург царь основал.
 То – крепость на Неве близ моря,
 Катившей прежде на просторе
 Своих волн дикий, вольный бег
 На столь же дикий вольный брег.
 Но шесть болверков вот поднялись,
 Петра и Павла церковь вот
 Воззрела гордо в небосвод,
 И сверху облака взирали,
 Там раньше зрев лишь рыбаля,
 На славный замысел Петра.

25

И взяты после Ям с Копорьем,
 И Петр Нарву осадил
 И там с победою во взоре
 Ее к ногам своим склонил.
 И Августа для ободренья

По государеву велению
 Шли в Польшу русские войска,
 Кого Карл свергнуть так искал.
 А после пал Митавский замок,
 Очищена Курляндья вся,
 В своем потоке все неся,
 Война разыгрывала драму,
 Меняя лишь театр войны.
 Один из них был под Лесным.

26

Вся сцена месивом кровавым
 Была, шла драма семь часов,
 Была то матерью Полтавы
 Средь Северной войны боев.
 Петр, Левенгаупта по следу
 Идя, в сраженьи этом шведу,
 Как конниц сшибся с валом вал,
 Урок хороший преподавал.
 В бою два войска так устали,
 Что наземь в кровь без сил упав,
 Еще такого не выдавал,
 В виду друг друга отдыхали.
 Лишь непроглядной ночи час
 Остаток шведов войска спас.

27

Шторма войны в разгаре были,
 Через девять месяцев опять
 Ветра еще сильнее завывали,
 Не зная, злобу как унять.
 И в день сраженья под Полтавой,
 Когда вставал рассвет кровавый,
 Опять две конницы сошлись,
 Как два потока обнялись.
 Их конница не убывала,
 Что нашу начала теснить,
 Что нечем было подкрепить,
 Но наших пушек грозным валом
 Все пожиравшего огня
 Была отброшена она.

28

Там Петр войска свои объехал,
 На неприятеля повел,
 В часу девятом вновь потеха
 Пошла оружием, страх и боль
 С надеждой бледной на спасенье
 Людей в последнее мгновенье
 На лицах застывали. Вал
 Войск шведских Карл возглавлял.
 Бой двух часов не продолжался,
 Напора швед не ожидал
 И, дрогнув, прочь от нас бежал,

Победой Петр увенчался,
И Карл, оставя войско там,
Бежал к днепровским берегам.

29

Терпев повсюду пораженья,
Слал в Порту Карл своих посллов,
С Россией призывал к сраженью,
Деньгами сыпал с сонмом слов.
И продолжал стращать султана
На счет Петра военных планов,
Что он, как только Крым возьмет,
К Константинополю пойдет.
И Порты приуготовленья
К войне с Россией начала
И тайное свое дала
Татарам крымским дозволенье
В российский вторгнуться предел,
В чем Орлик очень преуспел.

30

С Петром мир Порты разорвала,
Тогда к днестровским берегам
Война вновь гвардию погнала,
Которую вел Петр сам.
В кампании с самого начала
Все провианта не хватало,

И положение людей
Падеж ухудшил лошадей.
За Прутом Петр на совете
Решенье принял отступить,
Войска как турки умножать,
Держав наш голод на примете,
Все продолжали, глад на нас
Шел вместе с турком, ополчась.

31

Шпар с Понятовским, видевав это,
Мехмет-пашу, чтоб не спешил,
Просили, и тогда победой
Глад дело сам бы завершил.
Но турки слушаться не стали,
На наши там войска напали,
Но отступили, то не ждав,
Еще семь тысяч потеряв.
И в этом сложном положеньи,
На сторону как турок встал
Марс, Шереметев посылал
О мире оным предложенье.
И после уж прислал визирь
Свое согласие на мир.

32

Все земли по Днепру и Дону
И завоеванный Азов

Вернулись к туркам с миром оным,
И надлежало шведам Псков
Или провинцию иную
Отдать за Ингрию. Таковую
Марс захотел игру сыграть
С Петром, решив за турок встать.
Мир этот с Портой подписали.
Когда на смертном одре был
Царь Петр, теряя остаток сил,
Его терзали все печали,
Давившие собой как пуд,
Не отомстил что так за Прут.

33

Гребного флота умноженьем,
С великой силою вступить
В поход финляндский повеленье,
Чтоб швед питанье получить
Не мог, лишась сего оплота,
Давал Апраксину царь Петр.
И с тем до Абова дойти,
Чтоб Свею к миру принудить.
Апраксин с тем галерным флотом
Повсюду шведа повергал,
Бежав, что города сжигал,
Шло наступленье полным ходом.
Сонм бригадин, галер и прам
Заготавливал Апраксин там.

34

Была Финляндья маткой Свеи,
Не только скот, но и дрова
Ее являлися трофеем,
Что Марс все требовал, ревя.
Взять Абов было повеленье
И Гельсингфорс, чтоб при размене
Что было шведу уступить,
О мире будет коль просить.
В то время Петр по Европе
Вослед шел Штейнбока войскам,
С бесконницей что упускал,
Саксонцы кои в страха робе
Сквозь пропустили. Марс на пир
Звал Порту, разорвавшу мир.

35

И, в Петербург прибыв, царь Петр
Поход готовился свершить
В Финляндию галерным флотом,
Не упускал дел мирных нить.
С своей торговли устройством
Купцам Европы приглашеньем
Там к новой пристани он слал
И льготы оным обещал.
К Финляндьи выступил он с флотом,
Сам был как контр-адмирал,
Меж тем союзник выступал

В Голштинии, где полным ходом
Шел общевойсковой совет,
Как Тонинг взять, искав ответ.

36

На нем саксонцам и датчанам
Положено атаковать
Оплоты шведов непрестанно,
А русским – путь им отрезать
От Тонинга. Так порешили,
Но шведы в крепости сокрылись,
Страдая в ней от тесноты,
С отходом разметав мосты.
У крепостных болверков снова
Войсками русскими они
Там были уж наведены,
Бомбардировка уж готова,
Но Штейнбок, в крепости что был,
Своей о сдаче заявил.

37

Он князю Меншикову сдался,
Что русским войском управлял,
Как к Эльзингфорсу направлялся
Царь Петр и тот занять желал,
К которому он прибыл в мае,
И Чернышев был посылаем
О численности шведа сил

Прознать, что город укрепил.
Петр начал бомбардированье,
Армфельд, что оборону вел,
В Бургоу с войском всем ушел,
Успев поджечь град на прощанье.
Царь вслед погоню снарядил
И с тем Бургоу захватил.

38

Полтавской битвы в годовщину
Царь Петр персидского посла,
Войска на время лишь покинув
По государственным делам,
Для заключенья договоров
Принял, не упустив из взора
Дел марсовых огромный вал,
Вперед великий царь взирал.
У Карисланзбра над Штершанце
Победу Петр одержал,
И после Абов град занял,
Сбив прочь с него вдруг шведский панцирь,
И с Абовым Финляндью взял,
В честь выбив этого медаль.

39

В Европе Меншиков взял Руген,
И после сразу Штетин взял,
И Пруссия королю чрез муки

Войск русских лишь в секвестр отдал.
 Дать артиллерию обещался
 Король – не дал, и Штетин взялся
 Оружьем хладным лишь одним
 И русских мужеством большим.
 С тем Меншиков ушел в Россию.
 А прусский, польский короли
 Уже обдумывать смогли,
 Петра забыв дела благие,
 Союз со Швецией, узря
 Всю силу русского царя.

40

Тогда сибирский губернатор,
 Гагарин, о песке златом
 Донес в Эркети и, что надо
 Построить крепость в месте том.
 Последнего для овладенья
 Издал царь Петр повеленье,
 Посланнику что сообщил
 Хивы, что в Петербурге был.
 В Бухарьи Малой место было.
 Посланник молвил, что в Большой
 Бухарьи есть песок златой,
 И это после мысль явило
 Торговлю с Индией развить.
 Все мог Петра ум охватить.

41

Меж тем у Гангута сраженье
 Неслося Северной войной,
 И с одного все приближеньем
 Грозил сильнее Марс волной.
 Тогда на том войны театре
 Апраксин шведской слал эскадре
 Приказ о сдаче, был отказ,
 С которым битва началась.
 С трех до пяти сраженье длилось.
 Сам Петр и с ним Вейд, генерал,
 Эскадру ту атаковал,
 Что вскоре русскими разбилась,
 Отведав ядер русских град.
 Был Эрншильд при побеге взят.

42

Так слава Швеции померкла,
 Взошел над нею вечер хмур,
 Петра всех слава в страх повергла.
 С эскадрой пленной в Петербург
 Отправился с своим он флотом.
 Шувалов ж овладел Нейшлотом,
 Швед кою при осаде сдал,
 Да Петр на пути узнал,
 Что с Турцией разграниченье
 Окончено. Морских побед
 Петром добылся яркий свет

Потомкам дальним для свеченья,
 Россию чтобы озарял.
 Победу Петр торжествовал.

43

На дальних Персии границах,
 Близ Индии, вслед Марсу шел,
 Как за теплом летят вслед птицы,
 Чьи гнезда хлад своими счел,
 Народ афганский. Из Ширвана
 Железной волей Тамерлана
 Был в Кандагарском царстве он
 Как века три уж поселен.
 Своим тиранством упиваясь,
 Все время брызгавшим в бунтах,
 Имел власть в Персьи Гусейн-шах,
 Вином с гаремом наслаждаясь.
 И в том тиранстве, скрывшем стон,
 Род Софиев был истреблен.

44

Мирвейс, доверенность у шаха
 Снискавший в токе тех времен,
 Жестокостью облитых, страхом,
 Главой афганских был племен.
 Но после, подмененный словно,
 В земле Афганской вероломно
 Убил всех бывших персиян

И стал там кандагарский хан.
 Противу одного войсками
 Пошел с тем персиянский шах,
 Повержены что были в прах,
 И власть, подперту раменами
 Свою Мирвейс не отпустил
 И после сыну передал.

45

И после сыном Мир-Махмудом,
 Приявшим власть на рамена,
 Давившую претяжким пудом,
 Но сладкую в все времена,
 Вся Персья страхом наводнилась,
 С несметною он вторгся силой,
 Прямо текшею на Испагань,
 Ввергая в ужас персиян.
 К тому же Дауд-бек с Сурхаем,
 Кто был казикумыкский хан,
 С войсками вторглись в Ширван,
 Был в небосвод грабеж взываем,
 И русских в нем, в конце концов,
 Три сотни сгинуло купцов.

46

Шах Персьи, страхом обуянный,
 К Петру посланников трех слал,
 Узнав, что с войском к Испани

Шел Мир-Махмуд, и умолял,
Подарки вместе слав с деньгами,
Чтоб царь помог ему войсками,
Не в силах сам с тем совладать,
Огромная текла ведь рать.
Семен Аврамов в Испагани
Как консул службу исправлял,
И Петр с тем ему писал,
За помощи чтоб оказанье
Шах властью уступил б своей
Сонм близкаспийских областей.

47

Петр прибыл в Астрахань. Грузинцев
Царю оттуда предписал,
Напал чтоб оный на лезгинцев,
И с тем известья ожидал.
У Четырех Бугров как Петр
Стоял на якорях с всем флотом,
То терский в время то шамхал
Письмо о подданстве прислал.
Шел Петр в августе к Дербенту,
Когда же он в Тарху прибыл,
Наиб дербентский попросил
Его уже к тому моменту
О покровительстве. Так град
В него был до вступленья взят.

48

Пред Утемишем завязался
С султаном утемишским бой,
До первого что с войском гнался
Петра железною рукой
Огню с того преданьем места.
Татарского вслед манифеста,
Когда рассеяли то зло,
Изданье и произошло.
Ключ за версту был от Дербента
Наибом города вручен,
И крепостцами укреплен
Петром Дербент при Милукенте
И при Артабугаме. С мест
Послал в Баку с тех манифест.

49

И Лунин из Баку с отказом
О сдаче города прибыл,
И буря повредила разом
Суда, что Петр снарядил,
И провиант весь промочился.
Поход в Баку с тем отложился,
И в время то шах персиян
Сдал Мир-Махмуду Испагань.
Чрез год, в июне лишь, Матюшкин
Пошел походом на Баку,
И вот уж на его берегу

Заговорили басом пушки.
И, как пронесся ядер град,
Матюшкину и сдался град.

50

Ворвавшись яркою кометой,
Собой рассекшей небосклон,
Петр осветил Россию светом,
Исхитивши из тьмы времен.
И, ход придав рукой державной,
Державам сильным сделал равной,
Огонь чей славный воспылал,
В Европе, в Азьи виден стал.
Трудом огромным и ученьем,
Не зная пощады ни к себе,
Ни к подданным с судьбой в борьбе
В семье народов уваженье,
Которого не знали встарь,
Сыскал Великий Государь.

Карлсруэ, Германия

**Елена
ХОРОБРЫХ**

ПЕТР ВОИСТИНУ ВЕЛИКИЙ

Страницы истории знают немало побед,
Мы снова и снова листаем эпохи как книги.
И сколько их было: удач, поражений и бед
В одной лишь главе: «Петр Первый — Великий».

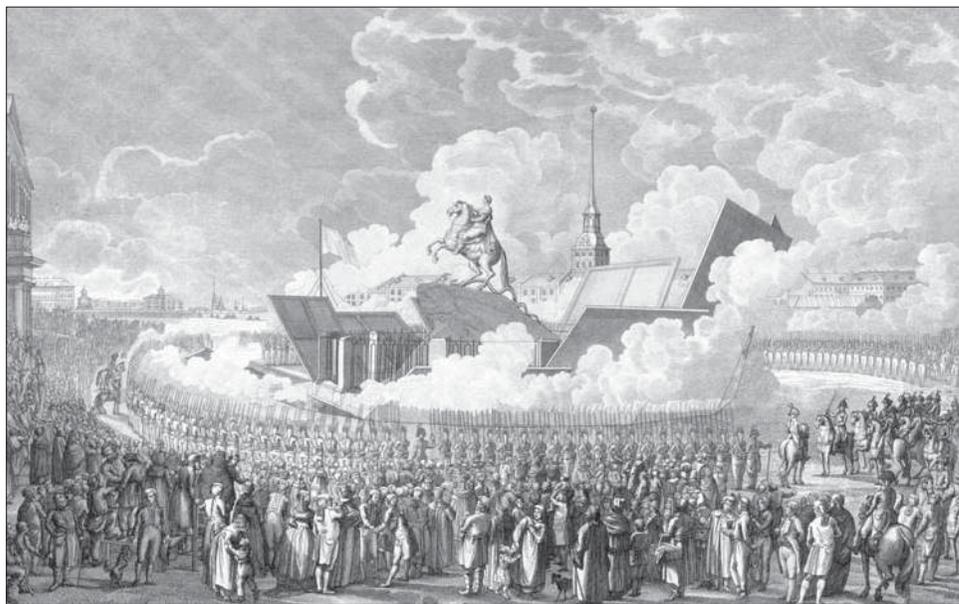
Большими шагами идет он по Русской земле.
Он — царь, крепко сжавший в кулак свою волю,
Менявший историю в ходе турецкой войны,
Открывший границы и выход к Балтийскому морю.

Огромную роль сыграл он в жизни страны,
Как ветер свободный, он скачет по миру галопом.
Открыты музеи, театры, построены корабли —
Петр сделал резкий рывок навстречу Европе.

Особым творением стоит назвать Петербург —
Город-крепость, построенный в устье Невы.
С дворцами и башнями он не может не вызвать восторг,
Санкт-Петербург стал жемчужиной Русской земли.

Российская армия никогда не была так сильна,
Императорский флот снискал в боях свою славу.
Заводы и крепости — все это заслути Петра,
Страна потрясенная стала Великой Державой!

Вена, Австрия

Гравюра. Открытие монумента Петру I.
Александр Киприянович Мельников (1803 - после 1855)
с рисунка А. П. Давыдова 1782 г. 1830-е гг.
© Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Александр ФИЛИЧКИН

ЯКОВ БРЮС — СПОДВИЖНИК ПЕТРА I

Поместье Глинки принадлежало сподвижнику русского императора и генералу-фельдмаршалу артиллерии Якову Вилимовичу Брюсу. Оно славилось богатством, радушием и хлебосольством. Получив письмо, украшенное печатью графа, знатные люди, с почтением открывали конверт. Читали приглашение на званые обеды и с радостью их принимали. Затем, откладывая дела, и не считали за труд проехать сорок верст по не мощеной дороге. И все для того, чтобы посетить ученого, относившегося к когорте «птенцов гнезда Петрова».

Находясь в нетерпении, гости предвкушали сюрпризы, которые приготовил этот странный, но весьма образованный человек. За ним издавна закрепилась слава мага, колдуна и чернокнижника, поэтому каждый званый обед завершался каким-нибудь необычным представлением. После чего, слухи о его поразительных кунштюках и фокусах распространялись по Москве со скоростью летнего пожара.

Железная птица

В летний день 1699 года золотая молодежь прибыла в имение своего приятеля, расположенное недалеко от обители ученого человека. Кому-то из них взбрело в голову навестить соседа. Господа вскочили на лошадей и, радуясь новому развлечению, отправились в гости.

Все были наслышаны о Сухаревой башне, о потемнении солнца, которое вызвал могущественный царедворец, и его прочих колдовских делах. Каждый, в тайне надеясь, что чудаковатый старец не выгонит их с порога и, даст Бог, ублажит каким-нибудь зрелищем.

Пыльная проселочная дорога, вилась между пологими увалами и тенистыми перелесками. До усадьбы оставалось всего несколько верст. Все были чуть пьяны, веселы и ничего не предвещало беды. Вдруг, кто-то из слуг, наблюдавших за окрестностями, крикнул: — Железная птица! — и показал рукой в сторону рощи.

Молодежь разом смолкла. С тревогой посмотрела в указанном направлении и обомлела. Из-за крон деревьев показалось крылатое чудовище, отливающее металлическим блеском. Огромные, иззубренные по краям, крылья делали плавные машущие движения, вверх и вниз. Испуганные животные заржали, встали на дыбы и понесли.

От неожиданного рывка, всадники не удержались в седлах и упали с коней. Некоторые путники закрыли головы руками, замерли в оцепенении и с ужасом ждали, что чудовище кинется на них. Другие, вскочили на ноги и опрометью бросились в ближайшую рощу. Самые благоразумные, юркнули в придорожные кусты и затаились там, словно зайцы.

Меж тем, железная птица не спешила нападать. Махая крыльями, она пролетела над поверженными всадниками и скрылась за кронами деревьев. Немного спустя, вдалеке послышался треск ветвей и мужской крик. От дикого вопля у молодых людей застыла кровь в жилах. Каждый живо представил себя на месте несчастного, которого пожирало чудовище.

Со стороны усадьбы Брюса, показалась группа селян, скачущих на неказистых лошадаках. Впереди мчался молодой мужчина, восседающий на отличном жеребце. Увидев, лежащих в пыли людей, вожатый натянул поводья. Остановил рысака, и подождал пока подъедут холопы.

— Спешиться и помочь господам! — приказал он ватаге: — Я посмотрю, что там. — он указал рукой в ту сторону, откуда донесся крик, переполненный невероятной болью: — Аким, за мной. — командир дал шенкелей. Пришпоренный в галоп и скрылся в роще. За ним устремился один из всадников.

Остальные спрыгнули на землю и бросились к франтам, пытающимся встать с земли. Часть крестьян кинулась прочесывать кусты, окружающие проселочную дорогу. Скоро они привели еще вельмож, трясущихся от страха, словно овечьи хвосты. Дорогая одежда путников была изодрана сучьями и вываляна в пыли.

Пострадавших осмотрели и оказали посильную помощь. Потрясенные молодые люди оторопело молчали и безропотно подчинялись указаниям крепостных. Вскоре выяснилось, что несколько человек получили ушибы ног и спины. Один сломал левую руку, и ему наложили плотную повязку из кушака. Всех господ посадили на крестьянских лошадаков, которых направили к особняку хозяина.

Раненых слуг осторожно подняли на ноги и дали в руки посохи, наскоро вырезанные из веток. Двоих, наиболее пострадавших повели, поддерживая под локти. Легко отделившиеся, холопы уже пришли в себя и принялись за дело. Стали собирать вещи, разбросанные по дороге, и ловить разбежавшихся коней.

Кавалькада остановилась возле крыльца барского дома. Вываленные в пыли франты подняли глаза, и наткнулась взглядом на мужчину, который руководил ватагой спасателей. Он и его подручный Аким осторожно помогали слезть с лошади еще одному страдальцу. Вокруг парня суежилась многочисленная дворня.

На первый взгляд, этот крестьянин пострадал сильнее всех окружающих. Кроме подвязанной к шее правой руки у него, была перебита еще и нога. Все лицо заливала кровь, а тело покрывали глубокие раны. К вящему удивлению господ, этому крепостному оказали внимания больше, чем господам. Слуги подхватили его на руки и отнесли в покои.

На крыльце стоял Яков Брюс и смотрел на гостей. Выгнать их с порога он не мог. Некоторые из этих повес были ранены, а двое из них достаточно серьезно. Во вторых, они упустили коней, и неизвестно когда холопы их переловят. В-третьих, вон тот балбес, приходится старшим сыном именитого соседа.

Опыт многолетней дипломатической службы сыграл свою роль. Брюс широко улыбнулся и радушно воскликнул:

— Добро пожаловать, господа! Слуги покажут вам комнаты. — ливрейные лакеи сбежали с крыльца и бросились к прибывшим франтам. Помогли слезть с лошадей, и, поддерживая под руки, повели в дом.

Только оказавшись на широкой веранде, молодые люди пришли в себя. Окружили хозяина и загомонили разом, кто во что горазд. В общем гвалте, с уловил много раз повторяющиеся слова: — ...летела... железная птица... напала... кто-то кричал...

Яков попытался утихомирить возбужденную молодежь. Наконец, ему удалось заставить всех замолчать: — Господа! — сказал он: — Пожалуйста, успокойтесь. Железная птица уже вернулась в свою пещеру и в ближайшее время она больше не будет нас беспокоить. Я приму к этому все необходимые меры и приложу все силы, чтобы отослать ее в тот мир, откуда она прибыла. А сейчас вам нужно привести себя в порядок и немного отдохнуть.

Спустя малое время, по Москве поползли слухи, что Брюс изготовил несколько огромных железных птиц, на которых ежедневно облетает огромное имение.

Испытание орнитоптера

Записанный вместе с братом в царские потешные войска в 1683 году, Яков Брюс по истечении четырех лет был произведен в прапорщики и участвовал в походе князя Голицына в Крым. По возвращении, был награжден небольшим поместьем и солидным денежным вспомоществованием. Облагодетельствованный царской милостью, он тотчас выехал в свое имение и принялся за его благоустройство. Однако, стоило Петру I дать приказ, как он бросал все дела и мчался на зов императора.

Во время путешествия по Англии, в 1698 году Яков Брюс был представлен графу Лестеру и свел с ним близкое знакомство. Можно сказать, что они почти подружились. Часто встречались и подолгу беседовали о древностях. Однажды англосакс, сообщил, что обнаружил в разных городах Италии несколько бесценных тетрадей, написанных великим художником и механиком — Леонардо да Винчи.

В то самое время, вельможа раздумывал, стоит ли покупать эти дорогие рукописи, и для начала заказал копии манускриптов. Ко времени знакомства вельмож, списки уже прибыли из Италии и находились в доме графа. Брюс их просмотрел и заплатил немалые деньги за то, чтобы получить точное воспроизведение этих листов.

Вернувшись в Москву, барин вспомнил о приобретении. Перечитал манускрипты и захотел воплотить в жизнь одно из изобретений величайшего ума Возрождения. Брюс решил построить орнитоптер — аппарат для летания. Причем, не с каким-либо мотором, а с крыльями, движущимися, как у птицы. Дело было в том, что ему взбрела в голову блажь, летать на сей машине на приемы к царю, в Санкт-Петербург.

Он поручил это дело домашнему механику. Крепостному мастеру выделили несколько подручных, большой сарай в имении и выдали материалы. В течение нескольких месяцев бригада краснодеревщиков, под управлением Прохора ладила каркас для орнитоптера. Когда он был готов, его поставили на маленькие, изящные колеса, весьма походившие на тележные. Деревянные ребра крыльев оклеили шелком, и машина оказалась полностью готова к испытаниям.

Во время очередного приезда барина, Прохор доложил ему о завершении строительства. Брюс подошел к сараю, и крепостные выкатили наружу изготовленный аппарат. Хозяин внимательно осмотрел орнитоптер, блистающий свежим лаком.

Нужно сказать, что необычный вид машины поражал воображение окружающих. Созданная конструкция выглядела так, словно только что, сошла с древних страниц кодекса Леонарда да Винчи. Те же обводы, те же, похожие на птички, элементы крыла. Стреловидная, задняя часть орнитоптера, смахивала на орлиный хвост.

Вот только вместо перьев был натянут плотный шелк стального цвета. Да еще и задняя кромка крыльев завершалась большими зубцами, словно перепонки у летучей мыши. Под широкими махами, крепились два небольших, легких колеса. Хвост также опирался на маленький ролик. Судя по всему, именно на них машина станет катиться во время взлета и посадки.

Управляющий устройством, человек располагался снизу. Летун пристегивался к раме орнитоптера кожаными ремнями и висел под ее брюхом. Ему надлежало взяться руками за рычаги, расположенные перед лицом, и двигать их вперед и назад. Тем самым, придавать крыльям, такие же машущие движения, какие делает птица.

Брюс приказал позвать Петра. Молодой кузнец отличался невысоким ростом, стройным сложением и недюжинной силой. Прохор уже давно наметил этого парня на роль испытателя и даже подогнал ремни под его фигуру. Перед самым приездом барина он тайком позвал будущего летуна в сарай, где мастерили орнитоптер. Дал осмо-

треть аппарат и даже примерил на него летательную машину. Поэтому, кандидат в покорители воздуха стоял за стенкой и ждал, когда вспомнят о нем.

Едва прозвучало его имя, он выскочил из-за сарая и остановился у ворот. Брюс взглянул на кузнеца и кивнул головой в сторону орнитоопера. Парень не заставил себя ждать. Бросился к машине. Лег на траву и подполз под шелковые паруса, натянутые на широкие пята. Краснодеревщики встали на колени, быстро и ловко застегнули ремни. Легкая конструкция едва слышно закричала. Повернув голову в сторону барина, Петр замер.

Брюс перекрестился и пробормотал: — С Богом!

Летун осторожно двинул рычагами, и широкие махи, похожие на перепонки нетопыря, поднялись и опустились. Потрясенный плоскостями, воздух резко пахнул в лицо зрителям, и все сделали шаг назад. Петр напрягся и заработал рычагами изо всех сил. Орнитоопер замахал крыльями и вдруг начал подпрыгивать на одном месте. Несмотря на то, что каждый раз, он поднимался немного выше предыдущего, но выше чем на сажень, аппарат так и не взлетел.

Спустя минуту, дыхание у парня сбилось. Лицо покраснело от натуги, и по нему заструился обильный пот. От тяжелой работы кузнец часто втягивал в себя воздух, но не успевая восполнять недостаток кислорода. Скоро Петр устал, и рычаги стали ходить не так резво, как вначале. Еще чуть погодя, летун выбился из сил, и прекратил попытки подняться в небо. Страшно хрипя, он бессильно повис на кожаных ремнях и, закрыв глаза, ожидал приговора хозяина.

— Так я думал. — сказал Брюс: — Даже силы кузнеца не хватает на то, чтобы оторваться от земли. Иначе, орнитооптеры давно бороздили бы небо и застили нам солнце. — хозяин замолчал: — А если мы поможем Петру оторваться от земли, удастся ему удержаться в воздухе? — размышлял барин вслух.

— Стоит попробовать. — согласился помощник: — Машина готова, так что же не попытаться? Прицепим к ней лошадей, да и разгоним. Глядишь орнитооптер и поднимется небо, как писано в китайских свитках. Вы мне еще говорили, что они прозывают сии устройства воздушными змеями.

— Добро. — согласился Брюс.

Стоявшие вокруг, подручные восприняли слова, как команду и бросились на конюшню, за животными. Скоро мужики пригнали пару оседланных жеребцов и с десятков крестьянских лошадок. Это заместитель Прохора, Аким так решил, мол, пусть будут про запас. А то кто его знает, сколько раз придется гонять? Вдруг заморятся?

Пока прикидывали, как и куда, катить аппарат, чтобы ему сподручнее было взлететь. Пока решали, как приладить веревку к орнитооптеру. Причем, таким макаром, чтобы она отцеплялась от него, как только машина взлетит к облакам. Прошло изрядно времени. Петр уже полностью отдохнул и приготовился к новой попытке покорить небо. Прохор вскочил на одного коня, на другого сел Аким.

Наконец, все было готово, и Брюс приказал: — Вперед!

Кони тронулись с места. Веревка натянулась, и орнитооптер двинулся по скошенной траве. Экономя силы,

Петр ничего не делал и держал крылья неподвижными. По команде Прохора, всадники пришпорили скакунов. Те ускорили шаг, и перешли на рысь. Летательная машина покатила быстрее. Последовала команда хозяина и в воздухе свистнули плети. Обожженные ударом, животные всхрапнули, приняли в галоп и помчались по полю.

Орнитооттер оторвался от травы и приподнялся над землей. Повис в воздухе и стал забирать все выше, и выше. Скоро он взлетел сажень на двадцать, и веревка отцепилась от машины. Петр заработал рычагами, и аппарат самостоятельно заскользил по воздуху. Почти в тот же миг стало ясно, что полет не будет таким долгим, каким этого хотелось. Несмотря на усилия кузнеца, он начал медленно, но неуклонно снижаться.

Прохор пустил коня шагом и по смотрел на кузнеца, измученного работой: — «Хорошо, если долетит до конца луга». — подумал он разочарованно. — «Видимо, не суждено человеку подняться в небо на орнитооттере. У него просто не хватает для этого сил».

Вдруг налетел порыв встречного ветра, и машину резко кинуло вверх. Она легко поднялась сажень на двадцать и понеслась к лесу, стоящему за краем поля. Верховые дали коням шенкелей и помчались вслед за аппаратом. Сзади раздался голос барина: — Разобьется о деревья, сукин сын.

К тому времени, орнитооттер уже скрылся за кронами крайних деревьев. Механик направил скакуна в рощу и тотчас наткнулся на группу опешивших и до смерти перепуганных вельмож. Сановные господа беспомощно барахтались в дорожной пыли, а их лошади разбежались в разные стороны.

Взглянув на франтов, пытающихся подняться на ноги, Прохор остановился и подождал, пока подтянуться подручные на лошадях. Отдав команду: — Помочь пострадавшим! — он с Акимом направился в заросли и сажень через триста наткнулся на обломки орнитооттера.

Хрупкая, как яичная скорлупа, летательная машина врезалась в крону высокого дерева, мгновенно разрушилась и рухнула с высоты. Легкая конструкция раздробилась в мелкие щепки. Плотный шелк изорвался в тонкие лоскуты. Окровавленный летун лежал под обломками, словно тряпичная кукла, и тихо стонал. Прохор спрыгнул с коня и бросился на помощь раненому.

Гомункулус

После ужина Брюс проводил гостей в приготовленный для них флигель и вернулся в кабинет. Следом вошел Прохор и доложил барину: — Сын соседа по имени положил глаз на вашу сенную девушку.

— На которую? — пробурчал хозяин. Он не любил, когда его вынуждали продавать своих холопов, дарованных царем Петром I. Он привык сам решать их судьбу. А этому брандахлысту, отпрыску одного из лизоблюдов, ныне приближенных к государю, отказать будет ох, как не просто.

— Настасью. — сообщил слуга.

Эту красивую хохотушку, Брюсу было особенно жаль отдавать в похотливые руки извращенного франта. Потешится с ней неделю, да и сошлет с глаз долой. Например,

на скотный двор или в поле, а чтобы греха не было видно, отдаст замуж за последнего пьяницу: — Передай этому хлыщу, что через час я жду его в здесь. Но сначала все подготовь, приведи туда Настасью и поставь в дальнем углу. Там посмотрим, как быть.

Молодой, семнадцатилетний человек вошел в кабинет хозяина имения. Он уже вполне оправился от падения с лошади и был одет в вычищенный и отглаженный костюм. Видимо, кто-то из слуг успел съездить домой, и привезти новую одежду. О дневном приключении говорила лишь легкая хромота на правую ногу.

Франт переступил порог и оказался в святая святых некогда всесильного царедворца Якова Брюса. Нужно сказать, что никого почтения к этому тридцатилетнему старику он никогда не питал. Он чувствовал себя более значительным, чем владелец этого дома. Ведь его отец сейчас был в большей фаворе у императора, чем эта шотландская нерусь.

Хозяин встал из-за дубового стола, заваленного книгами, рукописями и приборами. Слегка поклонился и с улыбкой пошел навстречу гостю. Взял его под руку и предложил устроиться в удобном сидении. Пододвинул к нему большую коробку с курительными принадлежностями и предложил закурить. Потом вернулся к двери. Запер на два оборота, а ключ положил в карман камзола. После чего, сел на свое место.

Тем временем, молодой человек выбрал лучшую из пенковых трубок и набил ее голландским табаком. Прикурил от стоящего на столе подсвечника и развалился в покойном кресле. Выпустил несколько клубов дыма к потолку и с огляделся по сторонам. Все стены были за-

вешены картами, непонятными схемами и странными картинами.

Вдоль дальней от окна стены стоял дубовый шкаф, с застекленными дверцами. В его сумрачной глубине виднелись фолианты различных размеров. На полках лежали куски камней и разноцветные раковины, привезенные из-за моря.

Рядом с этим предметом мебели, гость разглядел гранитный постамент высотой в локоть. На нем, низко опустив голову, стояла сенная девушка Настасья. Была она совершенно неподвижна и если бы не ярко-синий сарафан, то гость, пожалуй, и не узнал бы ее сейчас. Скорее всего, он принял эту фигуру за статую.

Вместо веселой хохотушки, так сильно приглянувшейся ему, там был явно кто-то другой. В дальнем, темном углу стояла бледная девица с мертвым, неподвижным лицом, походившим на юную чаровницу, как две капли воды. Над ее белокурой головкой висела странная конструкция, состоящая из переплетенной проволоки и непонятных сосудов, заполненных разноцветной жидкостью. Несколько огромных кристаллов гнездились в этих металлических тенетах и сумеречно поблескивали.

Молодой человек вздрогнул и встревожено посмотрел на хозяина. На его обеспокоенном лице читались немые вопросы: — «Неужели это Настасья? Что с ней случилось? Уж не больна ли она?»

Заметив перемену во взгляде гостя, хозяин подумал: — «Пора начинать». — и зловещим голосом спросил: — Я слышал, вы хотели купить это существо? — он небрежно кивнул в сторону застывшей девицы.

Слегка побледнев при слове «существо» повеса едва выдавил из себя: — Если вы не против.

— Зачем оно вам? — поинтересовался хозяин: — Что вы будете делать со столь недолговечным гомункулузом?

— А вам зачем? — пробормотал гость: — Что вы с ними делаете?

— «А он нахал!» — подумал Брюс с некоторой долей уважения и добавил про себя: — «И вдобавок, не трус!» — Я их изучаю. — ответил он. — Яков поднялся из-за стола, неторопливо подошел к открытому настежь окну и встал, опершись рукой о подоконник. Молодой человек невольно проследил взглядом за хозяином и теперь сидел почти спиной к девушке

— За годы исследований, я успел узнать, что при распаде это существо может натворить немало бед. Если упустить нужный момент, оно обычно взрывается с мощностью пушечного заряда и вызывает сильный пожар. Если не верите, сейчас я вам покажу, как это бывает. Смотрите.

Гость повернулся в кресле и обратил взгляд к Настасье. Он с изумлением увидел, как странная конструкция над ее головой вдруг пришла в движение. Огромные кристаллы слабо вспыхнули. Жидкость в сосудах осветилась и забулькала. Застывшее, но по-прежнему прекрасное, лицо девушки вдруг страшно исказилось. Она подняла расширившиеся глаза к потолку, мелко задрожала и неожиданно громко зарычала.

Под ногами прелестницы, что-то с грохотом взорвалось, и мощный вихрь ударил в лицо барчука. Огромный клуб едкого дыма наполнил кабинет. Сильно пахнуло мерзким запахом серы и тухлых яиц. По щекам гостя побежали непрошеные слезы. Он судорожно закашлял-

ся, со страхом вжался в кресло и опустил веки. Когда он открыл слезящиеся глаза, то никакой девушки в углу уже не было. Там вообще ничего не было, кроме небольшой кучки дымящегося пепла, лежащей на гранитном постаменте. В воздухе кружились крупные хлопья сажи и обгоревшие обрывки голубой материи. Визитер испуганно оглянулся.

Брюс стоял возле открытого окна и с искренним сожалением смотрел на молодого человека: — Если хотите, могу вам предложить вместо гомункулуса небольшую железную птицу. Одну из них вы недавно видели. Они гораздо практичнее, чем искусственные люди. Живут гораздо дольше и не взрываются так скоро. Правда, жрут чрезвычайно много. Причем, они вовсе не отличают людей от скота...

— Нет. Нет. Спасибо. — залепетал гость и уронил трубку на ковер. Вскочил на ноги и бросился к двери. Со всего маху врезался в закрытые створки, испуганно обернулся и умоляюще посмотрел на хозяина.

— Сейчас открою. — участливо сказал Брюс и достал ключ из кармана.

После этого визита, в Москве заговорили, что Брюс все-таки научился изготавливать искусственных людей. Мол, несколько знатных господ своими глазами видели, как чернокнижник одним мановением руки развеял по ветру женщину-гомункулуса.

Мистификация

По приказу хозяина, раненного летуна поместили в комнате на людской половине. Уложили на соломенный тюфяк, отмыли избитое тело от крови и позвали лекаря-немца. Врачеватель осмотрел увечного. Быстро и ловко наложил деревянные лубки на сломанную ногу и руку. Смазал ушибы каким-то вонючим бальзамом и велел пербинтовать раны. Наказал усиленно кормить больного, и ушел.

Именно здесь, возле постели Петра, Прохор и нашел сенную девушку. Настасья сидела рядом, держала больного за руку и что-то тихо приговаривала. Замотанный с головы до ног в узкие льняные полосы, парень сейчас походил на мумии стародавних египетских жрецов, привезенные из-за границы. Барин говорил, что это очередные экспонаты для «кабинета редкостей», заведенного царем Петром I, или как его еще называют на немецкий манер — кунсткамеры. Мол, такие раритеты собирают в Европе и негоже государю российскому отставать от других стран.

Прохор подошел к сиделке и тронул ее за плечо. Вздрогнув, девушка и обернулась. Механик молча кивнул в сторону двери. Настасья лишь взглянула на лицо помощника барина и не посмела перечить. Поднялась с табурета и пошла за провожатым. Прохор вывел ее из комнаты и зло прошипел: — Сколько раз, я тебе говорил? Не мельтеши перед барчуками, когда к барину приезжают гости.

— Так ведь Петя разбился на летательной машине. — залепетала девушка: — Вот я в сердцах и выбежала к нему,

поглядеть, не погиб ли? Он же мне жених. — Настасья заплакала. Сквозь всхлипы она добавила: — А как увидела, что живой, так сразу ушла в задние комнаты и с тех пор при нем сижу.

— Поздно уже! — отрезал Прохор: — Приметил тебя соседский барин. — Настасья испуганно вскрикнула, вскинула руки к лицу, и слезы потекли еще пуще.

— Он уже говорил с управляющим. Сказал, что купить тебя хочет.

— А как же Петя? — в полный голос заревела девушка: — Барин сказал, что за него меня отдаст.

— Хочешь выйти за своего Петю, так делай, что я тебе говорю. — пробормотал Прохор: — Идем со мной. — он развернулся и пошел прочь. Девушка кинулась следом. Длинными, переходами механик привел Настасью в неприметный коридор, на господской половине. Подошел к стене и куда-то нажал. Одна сторона деревянной панели отошла от импоста. Мужчина потянул ее на себя и открылся узкий проем.

Настасья вошла вслед за Прохором и оказалась в узкой комнате, походившей на кладовую. Несколько свечей горели в подсвечниках и едва рассеивали плотный мрак помещения. Все светильники стояли так, что освещали дальний угол комнаты. Пол и нижние части стен были погружены в плотный сумрак.

Девушка замерла и быстро огляделась. Никаких окон здесь не было. В противоположной, неосвещенной стене виднелась узкая дверца, а рядом с ней несколько сдвижных заслонок. Вдоль длинной стены стоял дубовый стол, загроможденный колбами и ретортами. Трубки от посуды уходили в стену.

Не дав девушке осмотреться, Прохор поставил ее возле висящего на стене зеркала. Придвинул к ней коробку с белилами и строго велел: — Покрась лицо так, чтобы оно стало белым. Сверху слегка добавь синеву. Он указал на коробки с пудрой соответствующего цвета. Губы накрась черною помадой. Подведи брови и ресницы. Все сделай быстро!

Девушка закивала и принялась за дело, не забывая в оба глаза следить за помощником барина. Не обращая внимания на девицу, Прохор занялся какими-то приготовлениями. Разжег огонь в небольшой жаровне. Подставил горящие свечи под колбы. Находящиеся в них жидкости тотчас забулькали. В стеклянных трубочках, выходящих из посуды, закурился дымок. Механик подошел к задней стене. Опустился на колени и открыл заслонку, походившую на печную дверцу. Повозился там и встал на ноги.

Вернулся к Настасье. Внимательно осмотрел результаты ее работы. Сейчас перед ним стояла девица, с очень красивым, но с чрезвычайно бледным, почти мертвым лицом. Он взял тонкую кисточку и заретушировал стрелки, нарисованные Настасьей в уголках глаз.

Взял мягкий помазок, легонько обмакнул в серую пудру и точными взмахами создал глубокие тени под нижними веками. Отодвинулся немного в сторону и осмотрел девушку. Потом положил кисть в коробку, взял гусиное перо и тщательно отряхнул крошки пудры с рафана.

Подхватил Настасью под руку и поволок к узенькой дверце, находящейся в дальнем углу комнаты. Остановился перед стеной. Отодвинул темную крышку и по-

смотрел в маленький глазок. Удовлетворенно кивнув, открыл створку. За ней оказался узкий чулан. Девушка с недоумением вскинула глаза на Прохора. Помощник барина отпустил ее руку и вошел в кладовую, размером с книжный шкаф.

Из темноты послышался тихий шепот: — Иди сюда.

Девушка, было заартачилась, но вспомнила слова механика: — «Хочешь выйти за Петю, делай, что я тебе говорю!» — истово перекрестилась, вытянула руки вперед, и шагнула за Прохором. Ладонки наткнулись на его мозолистые руки. Он сжал ее пальцы и потянул за собой. Провел пару коротких шагов. Впереди открылась еще одна дверца, и девушка оказалась в кабинете барина.

Мужчина позволил ей немного осмотреться и шепотом сказал: — Я сейчас уйду в ту комнату, откуда мы пришли и все время буду, за перегородкой. Ты встанешь на эту плиту спиной к стене. — он указал на плоский камень, лежащий в углу комнаты, между стеной и шкафом: — Сначала сюда зайдет господин Брюс. Не бойся. Он не хочет тебя продавать.

Настасья радостно улыбнулась. Прохор быстро и толково объяснил, что девушке нужно будет сделать. Напоследок он пригрозил: — Все сделаешь хорошо, выйдешь за Петю, а напортачишь, продаст тебя барин. Ну, а там, сама знаешь, что с тобой будет. — он повернулся и исчез тем же путем.

Настасья осталась одна в незнакомом помещении. Прижалась спиной к стене и замерла от страха. Непривычная обстановка пугала ее ничуть не меньше, чем перспектива расстаться с Петей. Но его она очень любила и поэтому решила, сделать все, как можно лучше.

Дверь открылась, в кабинет заглянул камердинер барина. Сделал вид, что не заметил Настасью и принялся зажигать свечи. Закончив возиться с ними, слуга вышел в коридор.

Спустя пару минут, появился господин Брюс. Строго взглянул на застывшую девушку, и сел за рабочий стол. Потом, появился соседский барчук. Девушка тотчас закрыла глаза, замерла и постаралась не шевелиться. О чем говорили господа, она почти не слышала, все ее силы ушли на то, чтобы стоять неподвижно.

Находясь за тонкой перегородкой, Прохор открыл глазок и следил за тем, что происходит в кабинете. Слуховая труба позволяла отчетливо слышать каждое слово тихо беседующих господ. Механик поднял руку и сдвинул в сторону заслонку. Свет из потайной комнаты прошел сквозь отверстия в перегородке и упал на колбы с растворами, и разноцветные куски стекла, висевшие на стене кабинета. Лучи осветили изнутри предметы, и они стали исходить призрачным сиянием.

Наблюдая за господами, Прохор сдвинул маленький рычажок справа от себя. Гирька освободилась от стопора и пошла вниз. Прикрепленная к грузу цепочка начала поворачивать зубчатое колесо. Со стороны кабинета к оси шестеренки была прикреплена странная конструкция, выполненная из изогнутых кусков проволоки. Эта структура пришла в движение и принялась вращаться над головой Настасьи.

Услышав слово барина: — Смотрите. — механик нагнулся, сдвинул в сторону заслонку, находящуюся внизу. Просунул в открывшееся отверстие руку и легонько дернул девушку за подол ее сарафана. Помня наставления

Прохора, девушка начала сильно трястись, словно в падучей и громко зарычала. Механик взял из жаровни раскаленный прут и ткнул куда-то себе под ноги.

Вспыхнул короткий огнепроводный шнур, и язычок пламени ушел в отверстие в перегородке. Добежал до лежащей в кабинете каменной плиты. Проскочил в бронзовую камору и добрался до цели. Петарда оглушительно грохнула. Легкая взрывная волна вылетела из маленькой бомбарды и ударила прямо в кресло, где сидел молодой барчук. В воздухе закружились обгоревшие лоскутки, ярко-синей материи. Следом гостя накрыло густое облако дыма. Прохор повернул кран, и в кабинет хлынула смесь газов, среди которых слышался запах серы и тухлых яиц.

Сразу после взрыва, девушка толкнула рукой боковую стенку книжного шкафа, и дверца бесшумно открылась внутрь. Настасья шагнула в темноту, тихо затворила ее за собой и оказалась в непроницаемом мраке. Жесткая рука Прохора схватила ее за плечо и втощила в потайную комнату. Механик поставил девушку у стены и быстро закрыл проем.

Шагнул к жаровне. Вытащил из-под нее лист железа с кучкой едва тлеющих углей. Повернулся к стене. Нагнулся и правой рукой отодвинул в сторону заслонку. Впихнул в открывшуюся щель поднос с горячим пеплом и закрыл отверстие. Выпрямился, прильнул к секретному глазку и посмотрел в кабинет. Трясущаяся от страха девушка стояла за его спиной и трепетом ждала решения своей участи.

Когда последние надежды на хорошие новости из покинули Настасью, механик оторвался от отверстия. По-

вернулся к девушке и прошипел: — Благодарю Бога. Хозяин, так напугал барчука, что он удрал, как заяц и теперь нескоро у нас появиться. — горничная всхлипнула, и слезы радости хлынули из глаз.

— Сиди здесь. — сказал мужчина и подошел к двери, ведущей в коридор: — Ближе к ночи я тебя выпущу. Уйдешь на людскую половину, и будешь прятаться, пока не едут гости. — внезапно он посуровел и заявил: — Если сболтнешь, про то, что ты тут видела, я сам отведу тебя к барчуку. Пусть делает с тобой, что хочет. — Прохор вышел из тайной комнаты, и язычок замка сухо щелкнул.

Огнедышащий дракон

Ступая по лестнице из мрамора, гости поднялись на веранду, устроенную вдоль дома. Яков Брюс встретил их перед входом. Широко раскинув руки, словно преграждая путь, он стоял возле дверей и широко улыбался: — Минуточку внимания господа! — заявил он.

Сбившись в толпу, гости стояли, и с ожидали неизвестно чего. Многие предполагали, что возможен какой-нибудь сюрприз, но что это будет за кунштюк, не имели представления. Этим и отличались визиты к неординарному человеку. Никогда нельзя было предугадать, что произойдет в следующую минуту.

Прибывшие люди расположились спиной к саду, и смотрели на Якова Брюса. Он медленно опустил руки. Стоящие возле фонарей, слуги прикрутили фитили. Свет угас, и веранда погрузилась во мрак. Лишь открытые на-

стежь стеклянные двери и окна дома мерцали в наступившей темноте.

— Посмотрите назад! — приказал хозяин. Все поспешили выполнить команду и повернулись к саду, едва освещенному лунным сиянием. Их глаза привыкли к темноте и они увидели нечто ужасное, висящее в звездном небе.

Прямо над липовой аллеей висел огромный дракон и лениво помахивал широкими крыльями. Звук от этих движений напоминал шум гигантских кузнечных мехов. Гибкое змеиное тело, покрывала светящаяся чешуя, отливающая зеленоватым огнем. Мощные лапы сжимали и разжимали толстые, длинные пальцы, с изогнутыми когтями. Увенчанный шипами хвост изгибался из стороны в сторону.

Чудовище повернуло голову. Выпученные глаза посмотрели на застывших людей и загорелись злобой. Пасть дракона распахнулась и все увидели множество длинных и острых, как кинжалы, зубов. Жуткое создание заревело, и его рык прогремел подобно грому. Из глубокой глотки твари вылетела струя ярко-красного пламени и упала на землю.

Пораженные зрелищем, гости развернулись на месте и, объятые ужасом, бросились в дом. Не видя ничего вокруг, они бежали прочь от чудовища. Господа толпой ломались в открытые двери и французские окна. Хорошо, что они не имели подоконников и начинались от пола. Зазвенели разбитые стекла.

В тот же миг в саду загрохотали петарды и шутихи. Эти громкие звуки вселили в гостей еще толику ужаса. Раздались крики мужчин и визг женщин. Гости ворвались

в залу и бросились вглубь дома. Едва визитеры оказались в помещении, как слуги закрыли окна и двери и опустили шторы. Зажгли множество свечей и принялись убирать разбитую посуду и мебель.

Всю ночь гости дрожали в комнатах, решаясь выйти оттуда лишь по великой нужде. На следующее утро визитеры, попрощались с хозяином и отбыли восвояси.

К вечеру по Москве гуляла история о том, что в имение Брюса летает огнедышащий дракон. Очевидцы утверждали, что своими глазами видели чудовище, готовое пожрать всех на кого укажет хозяин.

Воздушный змей

Сарай находился в полуверсте от сада. Он стоял в небольшой ложбинке и со стороны дома был закрыт высоким кустарником. Едва стемнело, как Прохор отдал команду. Несколько мужиков открыли широкие ворота и выкатили наружу нечто, похожее на орнитоптер Леонардо да Винчи.

На этот раз, у конструкции не было места для легуна и системы рычагов, при помощи которых человек мог заставить аппарат махать крыльями. Благодаря этим усовершенствованиям машина стала легче, и чтобы поднять ее в воздух уже не требовалось пары лошадей, несущихся во весь опор. Достаточно было слабого ветерка и длинной веревки, чтобы воздушный змей поднялся в небо.

Спереди укрепили голову, смахивающую на лошадиную. Как и все остальное, ее изготовили из плетеной лозы, а снаружи обтянули шелком. Внутри, укрепили стеклянный сосуд, с горючей смесью из спирта и химикатов. Сзади прицепили хвост. Под брюхом расположили ноги, похожие на куриные лапы.

Для пущего эффекта, Брюс приказал расписать исподнюю часть аппарата. Для этого он выписал из Европы *phosphorus mirabilis*, открытый гамбургским алхимиком Хеннигом Брандом. Насколько знал Прохор, это вещество называлось «чудотворный носитель света» и светилось в темноте. По внешнему виду он походил на очищенный воск и легко резался ножом.

Барский художник Игнат, развел вещество в спирте и использовал вместо краски. Расписал голову, а на нижнюю часть крыльев, лапы и хвост нанес рисунок, изображающий чешую. Вот только после этого, он слег и теперь метался в жару, как в лихорадке. Лекарь сказывал, что ни сегодня, завтра несчастный представится. И советовал держаться от светящегося вещества, как можно дальше.

Прохор взглянул на часы, полученные барина на этот вечер. До назначенного времени, оставалось сорок минут. Ровно столько им требовалось, чтобы все, как приготовить. Тренировки не прошли даром, и подручные работали четко. Мужики размотали черные веревки, прикрепленные к змею. Разобрали концы и разошлись в стороны.

Двое подручных раскрутили воздушный насос. Мощная ветродуйка выплюнула тугую струю и напор воздуха ударил в шелковое днище. Легкий аппарат приподнялся над землей. Слабый вечерний ветерок

подхватил машину и потянул в небо. Мужики понемногу отпускали привязь и давали чудищу забраться повыше.

Махнув рукой, Прохор двинулся к барскому дому. Буксируя за собой парящего в небе змея, мужики следовали за помощником хозяина. В саду никого уже не было. К тому времени, домовые слуги потушили факелы и разошлись по другим делам. Так что, теперь сад заливала плотная темнота.

Команда двигалась по аллее буквально на ощупь. Когда они подошли особняку, все гости Брюса собрались на ярко освещенной веранде, стояли спиной к саду и слушали хозяина. По его команде, ливрейные слуги потушили фонари, и возле дома стало так же темно, как в саду. Раздался голос Брюса: — Посмотрите назад! — гости начали поворачиваться к саду.

Подручный Прохора дернул за веревку. Черное полотно, закрывающее брюхо воздушной машины, тотчас отцепилось от змея и упало на землю. Четверо мужиков кинулись к беседкам, спрятым в кустах, и сбросили с них легкие кровли. Забрались внутрь, где находились большие параболические зеркала и направили их небо. Яркие лучи фонарей отразились от полированных металлических поверхностей. Мощные световые столбы ударили ввысь, пошарили по небу и одновременно сошлись на машине, висящей в воздухе.

После чего, взорам публики явился дракон, парящий над аллеей. Остальные приспешники плавно натягивали и отпускали веревки. В ответ, чудовище помахивало крыльями, шевелило хвостом и когтистыми лапами. Сидевшие в кустах мужики начали греметь листьями жести.

Раздувать кузнечные мехи и трубить в огромные трубы. Хриплый рык разорвал ночную тишину.

Прохор потянул за особую бечевку. Пасть дракона открылась, и струя спирта выплеснулась пологой дугой. По пути вниз она налетела на маленькую корзинку, сплетенную из стальной проволоки и подвешенную к шее змея. Наполнявшие сетку угли мгновенно подожгли горючую жидкость. Она ярко вспыхнула и огненным дождем пролилась на землю.

Обезумевшие от ужаса господ завопили, что есть мочи. В едином порыве развернулись на веранде и бросились в дом, сметая все на своем пути. Из залов послышался грохот падающих столов и стульев. Зазвенело разбитое стекло. Крики разнеслись по комнатам и стихли в глубине дома.

— «Похоже, сюрприз удался». — подумал Прохор. Как говорил Брюс, он очень любил пугать, зажавшихся богатев. Механик отдал приказ: — Уходим.

Бьющие в небо, световые столбы погасли. Команда начала стравливать веревки, и отступать, той же дорогой, что пришла к дому. Змей поднимался все выше, и скоро свечение фосфорных красок исчезло из виду. Лишь темная тень иногда закрывала летние звезды. Подручные Прохора вернулись к сараю и приземлили воздушного змея. Стараясь не касаться руками краски, поняли аппарат и занесли внутрь.

Той же ночью художник Игнат умер.

Смерть Петра I

Представитель знатного шотландского рода, Яков Вилимович Брюс с молодых ногтей сопровождал Петра I во всех его делах. В том числе, в иностранных посольствах, войнах и битвах. Благодаря своим знаниям и распорядительности, он стремительно дослужился до звания генерал-фельдмаршала.

В перерывах между военными кампаниями он плодотворно работал на поприще гражданской службы. Много времени провел в дипломатических поездках и миссиях. Мало того, весьма успешно занимался наукой. В награду за труды он получил множество наград, денег, земель и крепостных крестьян.

В 1724 году, в день коронации Екатерины I, Брюс шел перед Петром I и нес, великолепную корону. Однако, сразу после торжества заперся дома и, с того дня, не занимался государственными делами. Ссылаясь на совершенно расстроенное здоровье, он полностью удалился от службы и от своей любимого детища — артиллерии.

Перед кончиною императора, вместе с высшей знатью, Брюс был во дворце. Тем не менее, в совете первейших чинов, состоявшемся 28 января, участия не принимал. Несмотря на это, получил поручение заботиться о погребении тела умершего императора и носил титул верховного обер-маршала печальной комиссии.

После смерти царя Петра I, Яков Брюс фактически оставался во главе всей российской артиллерии. Однако, с воцарением Екатерины I его деятельность прекратилась. В ознаме-

нование особых заслуг перед отечеством, 21 мая 1725 года он был награжден орденом Святого Александра Невского.

Шестого июня 1726 года подал просьбу об отставке и был с почетом уволен с чином генерала-фельдмаршала.

После ухода со службы, поселился в своем поместье Глинки, расположенном в сорока верстах от Москвы. Где на склоне лет продолжал заниматься наукой. В том числе, бился над секретом точного метода вычисления удельного веса металлов и очистки их от посторонних примесей. Прохор по-прежнему оставался при нем доверенным слугой.

Граф Яков Брюс скончался 19 апреля 1735 года и был похоронен в лютеранской церкви Святого Михаила в Немецкой слободе. Свой богатый рабочий кабинет, состоявший из разных физических и астрономических инструментов, который по праву считался одним из первых в его время, он завещал Академии наук. Так же «на пользу общественную» он передал свое собрание монет, медалей и рукописей.

Самара, Россия

Картина. Портрет императора Петра I.
Неизвестный художник; иконографический тип К. Моора. XVIII в.
© Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Михаил НАУМКИН

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

*Мы странствуем по всей земле не только для торговли.
Нас в путь огонь сердец влечет под солнцем и звездой.
К познанию вечности вершим мы странствие благое
В священный город Самарканд — дорогой золотой.*

Д. Э. Флеккер

Во многом становление России в XVIII веке не просто как государства, а великой державы, впервые в истории по-настоящему открывшей себя миру, привлечшей к себе внимание всех стран — соседей и пригласившей их участвовать в своем развитии, в создании основ для взаимовыгодного сотрудничества, произошло во время правления Петра I, внимание которого было устремлено не только на Запад, но и на Восток.

Среднеазиатские ханства на территории современного Узбекистана были вовлечены в орбиту интересов российского государства еще в допетровскую эпоху. В XVI и XVII веках делались попытки установить с ними торговые связи, причем, безуспешно. Но, в то время как Российское государство уже было централизованным, Узбекистан состоял из трех феодально разрозненных образо-

ваний — Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств, во главе которых находились эмиры, враждовавшие между собой. Поэтому России приходилось устанавливать политические, торгово-экономические и культурные связи с каждым из них в отдельности, попутно решая вопросы, касающиеся российских интересов в данном регионе. Так, русский посол И. Д. Хохлов, поехавший в 1620 г. в Бухару, интересовался не только вопросами внутренней и внешней политики, проводимой Бухарой, но и вопросом освобождения от рабства русских военнопленных, которые были или захвачены на территории Бухары и Хивы, или куплены в других странах. Их труд применялся для обработки земли баев-феодалов, сбора хлопка или других тяжелых работ, связанных с прокладкой дренажных каналов, устройством водоподъемных колес, запруд. Русские рабы ценились как знающие, умелые и выносливые работники, способные содержать в хорошем состоянии и ремонтировать все гидротехнические сооружения. Вопрос выкупа русских из рабства был всегда актуальной темой в обращениях и письмах российских послов к русским царям, в том числе, и к Петру I, который душою радел за освобождение соотечественников от чужеземного гнета.

В XVIII веке, в Петровскую эпоху, борьба между ханствами еще более обострилась, поэтому эмирам было выгодно иметь против своих политических соперников и внешних врагов такого серьезного союзника, как Россия. Помимо этого, прекратил существование Великий шелковый путь, и узбекским купцам надо было искать новый рынок сбыта своих товаров. Так, в 1700 году хивинский хан Шахнияз, а позже, в 1709 году, и его преемник на троне Мухаммад, тайно отправляют своих послов к Петру I с

просьбой принять Хиву в российское подданство. Петр I написал в своей грамоте в ответ на их просьбы: «Оказывая государеву снисхождение, хана со всем ему принадлежащим хозяйством принимаем в свое подданство». И вскоре послал в хивинское ханство посольскую команду, возглавляемую Федотовым, несмотря на трудное военно-политическое и экономическое положение государства, так как в это время Россия вела Северную войну со Швецией за выход к Балтийскому морю, а в 1710 году начала войну с Турцией.

Однако уже в 1717 году Петр I решает послать в Хиву военную экспедицию Бековича-Черкасского, понимая, что из-за внутренних распрей в ханствах и постоянных набегов на караваны может быть совершено нападение на посольскую группу, но новый правитель Хивы Шергазихан, увидев в этом экспансию, уничтожает почти весь русский отряд: из четырех тысяч человек назад вернулись всего несколько десятков казаков — остальные были убиты или взяты в плен. Поэтому юридически в свое время не закрепленный двусторонний договор был обнулен.

Так, на протяжении длительного периода отношения с Хивой имели довольно проблемный характер, заинтересованность в отношениях с петровской Россией у хивинских властителей проявлялась часто крайне непоследовательно и противоречиво. Но и в таких сложных условиях русский император продолжал формировать среднеазиатский вектор российской внешней политики и многообразные связи между государствами, потому что в них нуждались все участники этого исторического процесса.

Переговоры же каракалпакского хана с Россией, начавшиеся в 1722 году, все-таки закончились принятием

каракалпаков в русское подданство в 1742 г. Бухара имела особый статус в отношениях с Россией. Невзирая на отсутствие специальных договоренностей на самом высоком уровне, политика Бухары выгодно отличалась лояльностью, постоянством и миролюбием, выступая в качестве постоянного ведущего торгового партнера Российской империи на территории Центральной Азии. Кроме того, расположенное на пересечении всех торговых путей в то время, Бухарское ханство занимало очень выгодное географическое положение и являлось своего рода транзитным центром международных торговых связей России с Индией, Китаем, Ираном, Афганистаном и другими странами, в которых российские купцы по разным причинам не имели возможности закупать товары. Бухарские ханы посылали своих послов с 1700 по 1800 гг. в Россию более семи раз. Посольства в Бухару — сначала двух братьев Пазухиных и Василия Даудова, а затем и капитана Бухгольца — поначалу не имели реальных политических результатов, но способствовали расширению сведений о Средней Азии, вошедших в «Книгу Большого Чертежа».

Сколько их, петровских послов, устремлялось в эти края, по пустыням и горам! Одних влекла любознательность, других — желание славы, третьих — научные изыскания, четвертых — романтическая мечта о путешествиях на сказочный Восток. А вот прибывшего по приказу Петра I в 1721 году российского посла Флорио Беневени — надежда на прочный союз России с «озбеками», как он писал в своих письмах русскому императору. За три с половиной года, что посол пробыл в Бухаре, Беневени успел сделать много для развития двусторонних отношений. Но, прежде всего, он, изучив судоходность рек

и сухопутных дорог, ведущих в страны Востока, выяснил возможности для расширения торговли. Помимо этого, ловкий итальянец разузнал о местах, способах добычи золота и его запасах, отметив все на картах; изучил состояние крепостей и войск ханства и взаимоотношения Бухары с Ираном, Хивой и Турцией. Затем убедил бухарского эмира Абулфайз-хана заключить союз с Россией, предложив ему принять на свою службу русских гвардейцев.

Современному человеку, для которого сегодня практически не существует непреодолимых расстояний, не просто понять ощущения людей, которые долгими месяцами преодолевали многие сотни километров в страны, где легко было попасть в плен или лишиться жизни. В письменном донесении Петру I от 10 марта 1722 года Беневени, например, пишет: «больших чиновных озбеков поскорее чрез добрые подарки отчасти умягчал и друзьями устроил. Однако ж со всем тем осторожно с ними поступать надлежно и на их дружбу надеяться не надлежит». И точно известно, что ханы не всегда могли силой своей власти обезопасить нахождение послов на территории узбекских ханств. Тем не менее, послы рисковали своей жизнью, хотя и старались действовать осторожно, привлекая к себе людей сведущих, изучая менталитет, традиции и обычаи местного населения.

Для Петра I важно было не дать английскому капиталу внедриться и поработить экономику тех стран, которые взаимовыгодно сотрудничали уже не одни десятилетия с Россией. Такие целенаправленные действия Петра, его политическая дальновидность и человеческая мудрость впоследствии оказали исключительно важное влияние на исторические судьбы всех народов Средней

Азии, повлияв, при всей неоднозначности подхода к этому процессу, в целом благотворно на различные сферы жизнедеятельности каракалпаков, узбеков, киргизов, казахов и туркмен, составлявших население трех ханств. Эти связи, которые с трудом налаживала Россия два с половиной столетия, не должны были исчезнуть под натиском европейской буржуазии.

Россия поставляла в Среднюю Азию необходимое для развития ремесел сырье: для оружейников, кузнецов и чеканщиков металл, для столярного дела — дерево, для сапожников — кожу животных, для ткачей — пряжу. Также у местного населения очень ценились российские изделия из стекла (особенно бусы из бисера), зеркала, меха и меховые изделия; скатерти, покрывала и одежда из льна; самовары и ножницы, деревянную посуду. Закупки россиянами каракуля и ковров, пряностей и драгоценных или полудрагоценных камней — лазурита, бирюзы, граната и ферузы, шелка и хлопка, — стимулировало увеличение объема изготовления этих видов товара местными производителями, способствуя быстрому развитию ремесленного производства и увеличению количества мастерских и цехов. Стали строиться караван-сарай, в которых могли после долгого и утомительного пути остановиться и отдохнуть путники. Доходы с многочисленных постояльцев, налог с продавцов на базарах и денежных менял пополняли казну государства. Большую прибыль менялы имели с того, что вывозилась из России огромная денежная масса, которая имела популярность и самое активное хождение во всех ханствах.

Узбекские ханства поставляли на российский рынок в большом количестве краску растительного происхож-

дения, которая очень ценилась за свое высокое качество и применялась в текстильном производстве: индиго, кошениль, марену. Очень востребована была вся сельскохозяйственная продукция: бахчевые, разнообразные овощи и фрукты; орехи всех сортов и восточные сладости. Раскупались и узбекские национальные ткани: адрас, алача и саранж, а также бархат и плюш, которые были намного дешевле и прочнее других иноземных. Такой торговый взаимообмен позволил таким городам, как Хива, Бухара, Самарканд, Хорезм стать крупными центрами мировой торговли. Петр I делал все, чтобы были снижены пошлины на многие товары, давал строгие указания постоянно контролировать цены на них, и такая политика позволяла втягивать в общероссийский рынок другие государства и развивала экономический потенциал всех стран. Флорио Беневени отписывал Петру I: «А что касается до товару здешнего, то оного сыщется довольно. Некоторой на Руси годится, а некоторой и далее. А русской товар здесь весьма потребен».

Не менее важным, чем оформление союза России со среднеазиатскими ханствами, для Петра I являлось и обоснование русской диаспоры в тех местах, где останавливалось и должно было находиться длительное время посольство, военные и торговые представительства. Поэтому на протяжении всех торговых караванных путей шло строительство крепостей и форпостов для защиты их от нападений и грабежей, например, от джунгарских племен. Так, например, возникла крепость Ор на побережье одноименной реки, превратившаяся позднее в город Оренбург, ставший впоследствии центром русско-узбекской торговли. По этому сценарию были построены города Петропав-

ловск и Семипалатинск, Орск и Троицк. Именно таким образом Бухгольцем был основан Омск, а выше по течению Иртыша — Усть-Каменогорск. Так что результатом интенсивной торговли явилось и градостроительство, которое велось ускоренными темпами.

Эти города — крепости с находившимися там воинскими частями предотвращали какие-то бы ни было попытки нападения со стороны других государств на местное население и караваны купцов. Таким образом, Россия стала еще и гарантом стабильности и мира в этом регионе. Результаты этого не замедлили сказаться на экономике узбекских ханств: пришедшее в упадок в конце семнадцатого века сельское хозяйство стало постепенно улучшаться, городские ремесла получили возможность быстрее развиваться и расширять свою специализацию. Это, в свою очередь, повлияло на уровень социальной и культурной жизни населения, которое смогло постепенно приобщаться к достижениям во всех областях человеческой деятельности на уровне российских и европейских ценностей.

Присоединение народов Узбекистана к России будет продолжено во времена правления и других русских правителей, правда, уже во второй половине XVIII — начале XIX века не только на добровольной основе, как это предполагал реализовать царь-реформатор, но и военным путем. Но надо четко понимать, что все-таки воспринимать историю многолетних взаимных контактов следует адекватно. Здесь все не так односложно, как пытаются иногда представить некоторые историки, давая только негативную оценку присоединения территорий бывших узбекских ханств к России. Многие авторы дают откровенно предвзятую интерпретацию событиям, не гнушаясь под-

час прямой фальсификацией фактов. Но мы же понимаем, что многовековые традиции добрососедства и уважительного отношения стран друг к другу никуда не делись, а позитивный характер установления контактов наших народов подтверждается документами: письмами послов, договорами, посланиями и донесениями, которые и обеспечивают объективный взгляд на историю.

Личность Петра заслуживает в этом отношении особое пристальное внимание, как государственного мужа, ищущего не только выгоды (хотя и это должно быть всеприменно во внешнеполитической деятельности любого умного и дальновидного политика), но и способного дать мощный импульс развитию отношений с государствами, граничащими с Россией и способными стать верными союзниками в будущем. Фундамент этих связей был прочно заложен именно этим великим человеком, создавшим из России государство, с которым до сих пор вынужден считаться весь мир. Стремление к прогрессу, умение не форсировать события, добрососедские отношения — вот три кита, на которых зиждилась вся деятельная жизнь царя-работника, руководителя государства, взгляд которого был устремлен только в будущее.

Было бы замечательно установить в Бухаре скульптуру Петра Великого, а рядом — фигуры послов и дипломатов, которые своей деятельностью способствовали упрочению дружбы между Узбекистаном и Россией.

Бухара, Узбекистан

Игорь АНДРИАНОВ

ГРАД ПЕТРА И ИЗМАИЛ

Петр Великий проявлял большой интерес к возвращению в пределы Российского государства причерноморских земель, в том числе и Бессарабии. Об этом свидетельствует Прутский поход. Хотя он и окончился неудачей, наследники Петра Великого на протяжении всего XVIII столетия предпринимали неоднократные попытки возвращения в состав России Придунайских земель. Наиболее ярким событием стало взятие турецкой крепости Измаил русскими войсками под командованием прославленного полководца А. В. Суворова. По условиям Ясского мира, Измаил остался за Турцией. Однако Придунайский край и его неофициальная «столица» с этого момента прочно вошли в культурный обиход северной столицы России — Града Петра.

28 апреля 1791 года в великолепный Таврический дворец князя Г. А. Потемкина в Петербурге съехалось более трех тысяч гостей. Знатная столичная публика во главе с самой императрицей Екатериной II собралась здесь по случаю взятия крепости Измаил. Для устройства торжественного празднества были приглашены архитекторы,

Игорь АНДРИАНОВ

художники, музыканты. Знаменитый Гавриил Романович Державин, государственный деятель и поэт, написал по заказу Потемкина «стихи для пения на празднике». Известный придворный балетмейстер француз Ле Пик поставил танцы. Сочинение же музыки и руководство хором и оркестром поручено было участнику русско-турецкой войны — музыканту Осипу Антоновичу Козловскому. Как скоро высочайшие посетители соизволили воссесть на приуготовленные им места, огромный хор и оркестр исполнили «Гром победы, раздавайся».

Общий восторг вызвали не только прекрасные стихи Державина, но и торжественная, полная праздничного ликования музыка, автором которой и был Осип Козловский — тот самый молодой офицер, прибывший в Петербург в свите князя Потемкина. С этого вечера имя Козловского сделалось известным в столице, а его полонез «Гром победы, раздавайся» на слова Державина стал использоваться на торжественных мероприятиях в Российской империи. Иногда его называли «дворянским гимном». Некоторые строфы из данного произведения звучат так:

Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый Росс!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрес.
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать!

Воды быстрые Дуная
Уж в руках теперь у нас;
Храбрость Россов почитая,

Тавр под нами и Кавказ.
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать!

Стон Синила раздаётся
Днесь в подсолнечной везде;
Зависть и вражда мятется
И терзается в себе.
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать!

Тут необходимо отметить, что Синил — старое название Измаила. Кроме того, Козловский, по заказу графа Николая Петровича Шереметьева, написал оперу «Взятие Измаила», к сожалению, не дошедшую до наших дней.

Сохранилось описание вышеозначенного празднования, написанное Державиным Взятие русскими войсками турецкой крепости Измаил 24 декабря 1790 года произвело на российское общество сильное впечатление. Кроме «стихов для пения», Г. Р. Державин в 1791 году написал оду «На взятие Измаила». Последние строки этого произведения адресуются потомкам:

Времен в глубоком отдалении
Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух.
С гробов их в души огонь польется,
Когда по рощам разнесется
Бессмертной лирой дел их звук.

В современной России день взятия Измаила — 24 декабря — отмечается как День воинской славы.

Окончательно наш край был освобожден от турок в 1809 году. Итогом той русско-турецкой войны стал Бухарестский мир, по условиям которого Бессарабия (в том числе и Придунайский край) вернулась в состав Российской империи.

С этими событиями связаны имена Тучкова и Котляревского.

В 1812 году в непосредственной близости от крепости Измаил на левом берегу Дуная возник город Тучков, названный так в честь его основателя Сергея Алексеевича Тучкова, боевого генерала и талантливого администратора, уроженца Санкт-Петербурга. 14 октября 1812 года был издан Указ Правительствующего Сената Российской империи № 25248 «О именовании выстроенного пред Измаилом предместия городом Тучковым». Название Тучков сохранялось вплоть до 1856 года, а затем из-за неудачной Крымской войны Придунайский край отошел к турецкому вассалу — Молдавскому княжеству, а город стал называться так же, как и бывшая крепость — Измаил.

С. А. Тучков оставил нам богатое литературное наследие. Он творил в разных поэтических жанрах, перевел в вольном изложении около ста пятидесяти стихотворений иностранных авторов. Его перу принадлежат псалмы, элегии, сказки, песни, любовная лирика, эпиграммы и сатира. В 1813 году перевел на русский язык трагедии, сочиненные Ж. Расином, — «Александр Великий» и «Митридат», а в следующем 1814 г. — трагедии «Федра» и «Афалия». Переведенную С. А. Тучковым трагедию Жан-Жака Руссо «Открытие Нового Света» ставили в театрах. В 1833

году в Одессе издана была его комедия в стихах «Открытая тайна» с посвящением генерал-губернатору графу Михаилу Семеновичу Воронцову.

С именем Ивана Петровича Котляревского обычно соотносятся четыре произведения — «Энеида, на малороссийский язык переложенная», «Наталка Полтавка», «Москаль чаривник» и «Ода до князя Куракина». Кроме этих произведений, писанных по-малорусски, известны и два русских — «Ода Сафо» и «Размышления на евангелие от Луки». Род Котляревских принадлежал к малороссийскому шляхетству, он значился в дворянской родословной книге Екатеринославского наместничества. В течение «задунайского похода» русской армии 1806–1807 годов Иван Петрович, в чине штабс-капитана, «отличил себя неустрашимостью» при двукратной осаде крепости Измаил. В наши дни центральная городская библиотека Измаила носит имя Котляревского.

Путешествуя по окраинам Империи, в 1821 году в Тучкове-Измаиле побывал Александр Сергеевич Пушкин...

С восшествием на Российский престол Павла I, наряду с упомянутым выше «дворянским гимном», в ходе торжественных церемоний стал исполняться и «духовный гимн» Империи — «Коль славен наш господь в Сионе». Автор музыки — русский композитор Дмитрий Степанович Бортнянский. Одна из его кантат «Страны российски ободряйтесь!» создана была в ходе ведения российскими войсками боевых действий на берегах Дуная.

На протяжении многих десятилетий научные работники Измаила и Санкт-Петербурга поддерживали между собою творческие связи. Из Северной столицы в измайль-

ские музеи передавались ценные экспонаты, а из Измаила, в свою очередь, в обратном направлении следовали предметы старины, найденные на территории бывшей крепости. Измаил с гастролями посещали артисты и музыканты из Петербурга.

К сожалению, после государственного переворота, произошедшего на Украине в феврале 2014 года, эти плодотворные связи были по сути прерваны. А в измайльском музее А. В. Суворова обосновались пропагандисты «подвигов» «хероев АТО»...

Но все течет — все меняется. Недавно до наших краев дошла интересная новость о том, что был утвержден архитектурный проект станции петербургского метрополитена «Дунайская». Ввод в эксплуатацию назначен на 2017 год. Стены ее украсят витражами с видами Вены, Будапешта, Белграда, Видина, Бухареста, Измаила.

Измаил, Украина

**Евгений
ЛУКИН**

КРЕЙСЕР «ПЕТР ВЕЛИКИЙ»

Велика долгожданная радость:
Наконец, распахнулись ворота
И железный креститель пучины
Устремился в неизвестный путь.

Там, у самого края творенья,
У созвездий морских караванов,
На далеких ладейных дорогах
Каково назначенье твое?

Это прежде от шума ветрила
Леденели и Эльба, и Сена,
А седая цифирная Темза
Повторяла движение вспять.

Это прежде по курсу светилась
Непостижная русская греза:
Гроб Господень под синей звездой,
И цветет минаретный Царьград.

Евгений ЛУКИН

А теперь растворились в тумане
Золотистые линии царства,
О котором предсказывал отрок
У божка вавилонского сна.

А теперь — ни глагола, ни мысли;
Лишь содом каменистых наречий...
Третий Рим повергается наземь,
Но Четвертый встает в облаках.

Это плотник небесной артели
Воздвигает иную столицу
По разметкам невиданным Духа,
По незримым Его чертежам.

Утверждает гром-камень над хлябью,
А на призрачной розовой ростре
Зажигает святую лампаду —
Негасимый маяк для тебя.

Санкт-Петербург, Россия

СПОДВИЖНИКИ ПЕТРА

Картина. Портрет генерала Иосифа Андреевича Игельстрома.
Неизвестный художник; варьированная копия с портрета
Дмитрия Григорьевича Левицкого 1790-х гг. Середина XIX в.
© Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Картина. Портрет Иоганна Германа Лестока.
Неизвестный художник; варьированная копия с портрета 1740-х гг.
работы Георга Кристофа Гроота. Середина XIX в.
© Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Картина. Портрет сенатора Федора Ивановича Соймонова.
Неизвестный художник. Середина XIX в.
© Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Картина. Портрет графа Федора Алексеича Головина.
Иван Шпринг; с неизвестного оригинала. Середина XIX в.
© Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Картина. Портрет генерал-аншефа Василия Яковлевича Левашева.
Неизвестный художник. Середина XIX в.
© Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Картина. Портрет князя Аникиты Ивановича Репнина.
Неизвестный художник с портрета 1724 г. Середина XIX в.
© Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Картина. Портрет графа Гавриила Ивановича Головкина.
Неизвестный художник с портрета 1720-х г. работы
Ивана Никитича Никитина. Середина XIX в.
© Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Картина. Портрет князя Василия Владимировича Долгорукова.
Неизвестный художник с оригинала конца 1720–1730-х гг.
Середина XIX в.
© Государственный музей истории Санкт-Петербурга

СОДЕРЖАНИЕ

Елена Арсланова (Асбест, Россия) Деяния Великого Петра. <i>Стихи</i>	6
Ирина Жидкова (Саранск, Мордовия) Петр Первый и его деяния. <i>Статья</i>	8
Владимир Симаков (Санкт-Петербург, Россия) Начало. <i>Стихи</i>	17
Лариса Егоршина (Дзержинск, Россия) Чернореченские весны. <i>Стихи</i>	21
Андрей Геращенко (Витебск, Беларусь) Домик Петра Первого в Полоцке. <i>Статья</i>	24
Мария Амфилохиева (Санкт-Петербург, Россия) Домик Петра Первого. <i>Стихи</i>	36
Андрей Родосский (Санкт-Петербург, Россия) Заячий остров. <i>Стихи</i>	41
Юрий Петров (Елгава, Латвия) Петр Великий в Митаве. <i>Эссе</i>	42
Галина Суханова (Елгава, Латвия) Дворец Растрелли. <i>Стихи</i>	51
Владимир Кольцов-Навроцкий (Вильнюс, Литва) Визиты Петра I в Литву. <i>Статья</i>	52
Лариса Боярова (Вильнюс, Литва) Арап Петра Великого в Вильно. <i>Этюд</i>	64

Вячеслав Прытков (Каунас, Литва) Кортик гангутца. <i>Заметка</i>	67
Иосиф Рабинович (Москва, Россия) Петр Великий в Англии. <i>Статья</i>	72
Борис Орлов (Кронштадт, Россия) Осенний Петербург. <i>Стихи</i>	87
Владимир Леонов (Санкт-Петербург, Россия) Зимний Питер. <i>Стихи</i>	88
Лариса Носова (Хабаровск, Россия) Петергоф. <i>Стихи</i>	89
Валентина Раймер (Берлин, Германия) Петр Великий и немцы. <i>Рассказ</i>	91
Дмитрий Сулопаров (Карлсруэ, Германия) Деяния царя Петра. <i>Поэма</i>	107
Елена Хоробрых (Вена, Австрия) Петр воистину Великий. <i>Стихи</i>	137
Александр Филичкин (Самара, Россия) Яков Брюс — сподвижник Петра I. <i>Статья</i>	139
Михаил Наумкин (Бухара, Узбекистан) Петр Великий и Средняя Азия. <i>Статья</i>	169
Игорь Андрианов (Измаил, Украина) Град Петра и Измаил. <i>Этюд</i>	178
Евгений Лукин (Санкт-Петербург, Россия) Крейсер «Петр Великий». <i>Ода</i>	184

ДЕЯНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

в судьбах народов Евразии

Составитель Е. Лукин
Оригинал-макет, дизайн обложки П. Домбровский
Корректор Т. Брылёва

Книги: от рукописи до тиража
ИЗГОТОВЛЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ
www.skifiabook.ru

Издательство «Скифия»
190003, Санкт-Петербург, ул. 9-я Красноармейская, 3/7
тел. (812) 575-25-66
e-mail: skifiabook@mail.ru

Возрастная категория 12+
Подписано в печать
Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная.
Гарнитура *Georgia*. Объем 9,3 усл.-печ. л.
Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Контраст».
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, 38.